

Светлана
АЛЕШИНА

Фуршет

с трагическим

финалом

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Новая русская

Светлана Алешина

**Фуршет с трагическим
финалом (сборник)**

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Фуршет с трагическим финалом (сборник) / С. Алешина —
«Научная книга», 2001 — (Новая русская)

В страшный кошмар со стрельбой превратился шикарный фуршет. И надо же такому случиться, что в эпицентре кровавых событий оказался муж владелицы ресторана «Ласточка», а по совместительству частного детектива Ларисы Котовой. Мало того что его зацепило пулей, да еще и чиновник, с которым он пил, выпал из окна и разбился насмерть. Лариса Котова на добровольных началах берется распутать это дело. И выясняет, что есть люди, которым невыгодно, чтобы кто-то еще знал подробности! Ларисе в жесткой форме дают это понять. Но такой поворот событий не пугает Ларису. Она продолжает поиск. Пусть даже с большим риском для собственной жизни...

Содержание

Фуршет с трагическим финалом	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Алешина

Фуршет с трагическим финалом (сборник)

Фуршет с трагическим финалом

Глава 1

«Значит, сегодня вечером гуляем, – удовлетворенно думал Евгений Котов, повязывая галстук. – Только вот жара стоит, черт ее возьми! Впору в шортах и майке отправляться...»

Но нет, нельзя. Конечно, нельзя! Поскольку бизнесмен Котов собирался на конференцию под названием «Бизнес и средства массовой информации в демократическом обществе». Мероприятие сие было организовано в провинциальном Тарасове губернским отделением партии «Яблоко» с участием заокеанских фондов. Вернее, именно американцами, а «Яблоко» только предоставило «крышу». Но официально так сказать было нельзя, поскольку отношение к мероприятию тогда было бы негативным – опять эти чертовы янки собрались учить-поучать русского Ваню, который спит и видит себя Мессией всего человечества.

Высокий статус конференции, однако, взялся обеспечить губернатор, который хотел показать, что он во всей России самый «демократичный демократ» и «центральный центрист». Его выступление ожидалось прямо на открытии. Потом должны были зачитать доклады, потом разбрестись по секциям, а вечером все участники саммита должны были отправиться на фуршет. Этого фуршета-то, собственно, Котов и ждал. Он не рассчитывал на особо плодотворное общение с кем-либо на конференции. Был, правда, один момент – там должен был появиться один из областных чиновников, который мог быть Котову полезен. И все.

Разумеется, главу многопрофильного концерна «Антей» не интересовали такие вещи, как взаимодействие бизнесменов и представителей СМИ. Он давно уже понял, что в России бизнес делается отнюдь не так, как на Западе, и что все попытки рафинированных американцев приучить русских к цивилизованным правилам поведения обречены на провал. Ко всему прочему, Котов знал, что представляют эти самые фонды в России обычно молодые женщины-феминистки, ужасно безвкусно одетые, с мешковатыми фигурами. И на комплименты в свой адрес реагируют холодно, грозя подать в суд за сексуальные домогательства. Суммируя все эти известные ему факты, Евгений справедливо счел, что действительно интересным на конференции является только фуршет, который должен был начаться в пансионате «Сокол» в семь часов вечера.

Его жена Лариса, тоже бизнесменша, директор ресторана «Чайка», была приглашена на тусовку, но твердо решила не идти. Ей там было еще менее интересно, чем Евгению. Ко всему прочему, Лариса только что закончила свое очередное расследование криминальной истории, в которую в очередной же раз вляпалась. Поэтому она спала без задних ног, откинув покрывала и вольготно раскинувшись на кровати – жара стояла в начале этого июля на берегах Волги ужасающая.

Котов надел белую рубашку с короткими рукавами, облачился в светлые летние брюки, приладил мобильник и, скосив взгляд на спящую жену, решительно двинулся к лестнице. Он спустился на первый этаж своей трехуровневой квартиры и, пройдя через вестибюль, подошел к двери гаража. Через полминуты он сидел в салоне своего джипа, негодуя на духоту и терпеливо ожидая, когда же заработает кондиционер. Когда температура стала для Евгения приемлемой, он завел мотор и вывел джип из гаража.

Через пятнадцать минут он припарковал свой автомобиль на стоянке около дома знаний. Джим Котова занял достойное место в ряду иномарок, среди которых выделялись два новеньких блестящих «Мерседеса» – на одном из которых приехал губернатор. Вокруг в обилии тусовалась милиция – присутствие на мероприятии первого лица губернии обязывало.

Евгений с важным видом вошел в здание и в вестибюле зарегистрировался в качестве участника у симпатичной девушки, сидевшей за столиком. «Хороша, нечего сказать», – с интересом окинул он взглядом ее фигуру. Девушка с улыбкой вручила ему пакет документов и буклетов, которые выдавались каждому участнику конференции. Уже сидя в зале, Евгений лениво просмотрел их, но ничего интересного не нашел. «Ну и скучища здесь намечается, – уныло подумал он. – Просто козлийный треп!»

Он поздоровался с некоторыми известными ему личностями, коллегами по бизнесу, а сел рядом с Игорем Ростовцевым, владельцем сети супермаркетов «Планета». Его личность, правда, интересовала его гораздо меньше, чем соседка слева. Судя по тому, как сосредоточенно та записывала происходящее на конференции, она являлась представительницей одной из древнейших профессий – то есть была журналисткой.

«Весьма недурна, весьма», – облизнулся Котов. Практически всю официальную часть он провел в осмотре ног соседки – на ней была всего лишь мини-юбка – и других соблазнительных частей ее тела.

На сцене же тем временем все шло самым скучно-официозным чередом, который и прогнозировался Евгением. Сначала на трибуну взобрался губернатор, который с присущей ему непосредственностью заявил, что «он завидует участникам конференции, несущим идеалы демократии в Россию». Потом принялся восхвалять успехи губернии – что якобы бизнес здесь пользуется поддержкой, что происходящее в деловой сфере находится под пристальным вниманием газет и телевидения, что пресса объективно освещает все происходящие процессы, как негативные, так и позитивные. Завершил губернатор речь пожеланиями конференции успехов в работе. Сразу же после выступления он покинул зал в сопровождении своей свиты.

А потом пошло-поехало. Выступали политики, бизнесмены и заокеанские друзья. Все говорили правильные слова, от скуки и протокольности которых сводило скулы. Особенно преуспела американка – ее речь изобиловала фразами, которые ни о чем не говорили и были лишены напрочь конкретного наполнения. «Демократия, пиар, совершенствование менеджмента, муниципальные бизнес-проекты...»

Евгений волей-неволей начал зевать.

– Это у них так принято, – бросил недовольную реплику сосед Котова. – Когда я сочинял заявку на грант по ихнему образцу, то ничего не понял. Белиберда такая, что свихнуться можно.

Котов понимающе кивнул в ответ. Он вообще считал американцев туповатыми людьми. Только вчера к нему на улице пристали двое молодых людей в белых рубашках и галстуках с бэйджами церкви Иисуса Христа святых последних дней, а проще говоря – мормонов. Котов в течение пяти минут уговаривал их, что к богу обращать его бессмысленно, а тем более в мормонском понимании. Он говорил, что любит джин, кофе и чай, а все эти напитки запрещены мормонами как одурманивающие и плохо действующие на здоровье. Потом он говорил им, что немцы пьют пиво до старости и рано не умирают, а Черчилль курил сигару до девяноста лет. Эти аргументы молодых янки не убеждали, и они тупо советовали почитать Книгу Мормона, а также понять, почему основатель мормонской церкви Джозеф Смит молился богу. При чем говорили они все это заученными, штампованными фразами. Котов еле-еле от них отвязался, сославшись в конце концов на непомерную занятость.

А на сцену тем временем один за другим взбирались преподаватели экономической академии, бизнесмены и прочие представители городской элиты. Котов скучал. Соседи справа тоже. И даже девушка-журналистка закрыла свой блокнот и вяло просматривала программу

мероприятия, видимо, прикидывая, когда лучше для нее будет закончить на нем свое пребывание.

- Сейчас твой выход, – грубовато ткнул Ростовцев своего соседа справа.
- Да уж, – хмуро согласился тот, вертя в руках конспект выступления.
- Не оплошай уж там.
- Постараюсь.

Сосед Ростовцева пошел к трибуне, и в этот момент Котов окончательно решил, что делать на мероприятии больше нечего, и направился в буфет освежиться кока-колой. Более крепкие напитки он решил отложить на вечер. Больно уж было жарко...

* * *

Элис Симпсон, закончив свое выступление, прошла на место, по пути одарив улыбкой местного функционера «Яблока» Николая Ястребова. Этот молодой человек, пробывший несколько лет на посту управляющего банком, к тридцати годам вдруг решил, что призвание его – политика. К тому же обладая достаточно хорошими внешними данными для этого, он довольно скоро выдвинулся на первые позиции в «яблочном» отделении. И именно он «пробивал» эту конференцию, надеясь на американские деньги и продвижение в сфере публичной политики.

Элис представляла на конференции американский фонд защиты демократии. С Николаем она познакомилась еще в США, куда Ястребов приезжал в составе какой-то официальной делегации. Еще тогда она отметила, какой красивый этот парень. Сейчас же, в Тарасове, она еще больше уверилась в том, что Ястребов очень даже ничего как мужчина. Но... Николай, как ни странно, вел себя довольно официально и не проявлял знаки мужского внимания к ее персоне. И это несколько задевало честолюбивую Элис, поскольку она знала, что русские мужчины обычно ведут себя с женщинами очень непосредственно.

Американка была не очень привлекательна. Ее белобрысые прямые волосы, коренастая фигура, далекая от стандартов Голливуда, и круглое, мясистое англосаксонское лицо не могли возбудить в избалованном женским вниманием красавце Ястребове желание. Сама Элис, однако, считала по-другому.

Она была фанаткой России. Изучала в университете русский язык в течение трех лет и даже почти избавилась от акцента. В России она прожила следующие три года после окончания университета. Ей было двадцать пять, когда она закрутила роман с неким Мозесом Шварцем, владельцем радио в штате Мэн. И даже вышла за него замуж.

Однако эта связь закончилась, как только Элис на одной из тусовок в Москве познакомилась с неким Александром Вампиловым. Сей амбициозный молодой человек подвизался на журналистской и политологической ниве, постоянно критикуя как демократов, так и коммунистов, как правых, так и левых, как националистов, так и западников. Элис поддалась обаянию молодого радикала и увела его от жены. Браку с Мозесом после этого пришел конец, чем радиовладелец был очень недоволен, но ничего не мог противопоставить обаянию далекого от Америки русского журналиста.

Вот уже второй год Вампилов являлся любовником Элис, а она с увлечением работала в России по заданию американского фонда, объезжая российские регионы и приобщая русских к идеалам западной демократии. Нынешняя конференция была одним из этапов этого самого приобщения.

«Надо будет все-таки поближе познакомиться с этим Ястребовым», – подумала Элис, усаживаясь на свое место. В конце концов эта интрижка ничего не изменит – отношениям с Алексом, как она называла Вампилова, это угрожать не может. А обстановка в это жаркое лето в полукурортном Тарасове весьма способствовала легкомысленным и ни к чему не обязываю-

щим отношениям. К тому же деловые контакты с Тарасовым вообще и с Ястребовым в частности на этой конференции для Элис заканчивались.

– Русские иногда очень умелы, – говорила ей подруга Дженнифер, делаясь своими впечатлениями от своего русского бойфренда.

– Но все, что они делают руками, тем не менее ужасно, – отвечала ей со смехом Элис, знавшая много русских анекдотов.

– То, про что я говорю, делается все же не руками, – отвечала подруга, такая же любительница России и русских мужчин.

В перерыве на обед к мисс Симпсон подошли несколько журналистов, а потом привязался пузатый чиновник из областной администрации. Представившись господином Парамоновым, он с ужасным акцентом пытался сделать ей на английском комплименты.

«Видимо, ожидает какого-то продолжения, – подумала Элис. – А может быть, ему нужно что-то другое... Например, какое-нибудь содействие в получении гранта или еще что-нибудь. Русские же любят все делать, как они говорят, по благу».

Элис, соблюдая принципы знаменитой американской политкорректности, сумела-таки отвязаться от настойчивого внимания Парамонова и переключилась на Ястребова. А тот беседовал с бизнесменами и чему-то заразительно смеялся. Проходя мимо, Элис услышала его реплику:

– Это все ерунда. Главное, получить грант, а там уже неважно. К тому же эти американцы такие тупые, что им можно сливать всякую туфту!

Элис плохо поняла выражение «сливать туфту», но четко уяснила, что она «тупая». Ей это крайне не понравилось, и она даже решила не соблазнять Ястребова, раз он такой хам. И вообще настроение у нее испортилось. И в этот момент она натолкнулась на мужчину, у которого, похоже, настроение было не лучше. Во всяком случае, его кислая физиономия очень красноречиво выражала скуку и изнурение от жары.

Элис сочувственно улыбнулась ему.

– Жарко, да? – задал он вопрос, который только и мог задать человек в такой ситуации.

– Да... А вы бизнесмен? – спросила она.

– К сожалению или к счастью, да, – манерно ответил мужчина. – Кстати, меня зовут Евгений.

– А меня – Элис, – с едва заметным акцентом произнесла Симпсон.

– Я видел вас на трибуне. Очень содержательное выступление, – соврал Котов.

– Спасибо.

– Вы сегодня будете в пансионате?

«И этот туда же!» – пронеслось в голове у Элис, которая явно преувеличивала в данном случае свою женскую привлекательность.

– Да, конечно, – тем не менее широко улыбнулась она.

– Очень хорошо, о'кей, – сказал Котов. – Глэд ту си ю, – решил он напоследок блеснуть эрудицией в английском.

* * *

Виталий Романович Парамонов не менее остальных, а может быть, и более, скучал на этой конференции, на которой был вынужден торчать из-за своих служебных обязанностей. А денек был самый что ни на есть волжский. Суббота, жара – в самый раз на дачу, а может быть, и на острова. Несмотря на свое достаточно высокое положение, чиновник Парамонов любил так называемый дикий отдых на Волге – рыбалка, водочка, шашлычок.

С американкой он стал заигрывать просто от нечего делать. Он понимал, что никаких серьезных решений на этой конференции принято не будет, просто некоторые люди, получив-

шие американский грант, усиленно его отрабатывают. А другие пытаются заполучить, чтобы тоже ничего не делать. А денежки были спущены из Штатов в регион немалые – об этом Парамонов знает лучше остальных. Самому Парамонову от всего этого ничего не перепало, и это обстоятельство еще больше удручало его. «Торчи тут вместе со всеми этими надоевшими рожами!» – раздраженно думал он про местных предпринимателей.

«Взять хотя бы этого Ростовцева, – продолжал думать Виталий Романович. – Отъелся на своих супермаркетах. А как смотрит заискивающе, когда здороваются... И как меняется его взгляд, когда разговаривает со своим подчиненным, которого вместо себя заслал на трибуну пудрить всем мозги! Кстати, похоже, тоже кретин изрядный. Всю речь читал по бумажке, плохо проговаривая сложные слова. Видимо, привык на «бля-буду» с продавщицами разговаривать».

Парамонов скопился в сторону второго соседа Котова, Михаила Полубейцева, который, собственно, и являлся объектом его мыслей. Этот, в отличие от лоснящегося здоровьем Ростовцева, выглядел менее представительно. Невзрачный, с какой-то крысиной физиономией. Тьфу, да и только! Парамонов брезгливо отвернулся.

«А этот якобы эстет Котов, который на самом деле просто спивающийся деградирующий тип – раздражению чиновника не было предела, – выпендривается и выпендривается! Нет бы спокойно вести себя, как все, и не ссориться с губернаторской командой. Нет же, этому нужно выделиться и показать, какой он из себя умный, образованный и отличающийся от других! Но он-то его знает. Его концерт «Антей» в последнее время резко покати́лся вниз, прибыли упали... Поэтому Евгений теперь никому не интересен. Так, мелкая сошка... Вот жена у него, владелица ресторана, другое дело! Энергичная женщина. Но тоже мелкая сошка... По сравнению со мной».

Парамонов слушал очередных докладчиков, а думал об окружавших его в зале людях. Он не знал, что неліцеприятные мысли по поводу него самого посещали в данный момент и Котова.

Евгений думал примерно так: «Вот сидит человек и ни хрена не делает. Не делает сегодня, не будет делать и завтра у себя в кабинете. Черт знает что – насадили во власть вот таких трутней, которые только и знают, что бы еще придумать, как предпринимателей обу́ть. Честных и работающих, таких, как он, например, Евгений Котов». Здесь Евгений сделал паузу, осекся и скорректировал свои мысли: «Ну, может быть, конечно, я и не трудоголик, но все равно кормить таких откровенных дармоедов, как Парамонов, не должен. А все эти конференции – просто дерьмо, и все!»

Не совсем так, однако, думал в этот момент господин Ростовцев. Для него эта конференция была попыткой зарекомендовать себя в глазах как американцев, так и местных функционеров, в частности Николая Ястребова, тех, кто может посодействовать в кредитах и грантах. У Ростовцева была сеть супермаркетов, которую он хотел расширить. Для этого нужны были деньги. А потом у него появилась идея создать газету, потом – чем черт не шутит – ринуться в политику. Словом, пойти проторенной дорожкой многих российских бизнесменов. Возраст подходящий, нужно расти, приобретать масштабность. Короче, типа прогрессивно мыслить. Именно поэтому Ростовцеву некогда было думать о тех, кто сидел с ним рядом, и мысленно о них сплетничать. Он должен был правильно себя вести, чтобы иметь возможность в дальнейшем получить дивиденды.

* * *

– Знаете, наш бизнес, уважаемая мисс Симпсон, – растекался мыслью по древу чиновник Парамонов, – еще покажет себя. Не в обиду будь сказано, – он прижал руки к груди, – вы же нам не даёте развернуться. Именно Америка...

Элис высоко подняла брови в знак своего удивления.

– А что, вы будете отрицать? – с полемическим задором задал риторический вопрос Парамонов и отхлебнул коктейль из бокала. – Вы не пускаете нас на прибыльные рынки. Вы не хотите инвестировать деньги в нашу промышленность, а заваливаете нас товарами, которые у вас дома никто не берет. Хотите сказать, я не прав?

Парамонов уже был достаточно подшофе, а Элис так холодно отнеслась к нему как к потенциальному кавалеру, что он мог себе позволить такие высказывания. Ко всему прочему, он не был зависим от денег той организации, которую представляла в России мисс Симпсон.

– Может быть, отчасти, – вежливо, с улыбкой и милым акцентом ответила Элис. – Но не надо это преувеличивать.

– Российский бизнес еще развернется, – решил поддержать чиновника Николай Ястребов. – Вот у нас тут присутствует бизнесмен, который не делает ставку на коррупцию.

И он широким жестом показал в сторону Евгения Котова, который стоял немного поодаль и с наслаждением потягивал холодный джинс с тоником.

– А то глобализация, глобализация! – насмешливо бросил реплику Парамонов. – Попробуйте глобализировать славян! Попробуйте! И зайдете в тупик...

– Вы не правы, господа, – решил смягчить ситуацию Ястребов. – Глобализация – процесс объективный, хотите вы того или нет. И именно поэтому мы проводим эту конференцию. А то столько времени жили в отрыве от всего мира.

– Это точно, – хмуро подтвердил Котов, осушая свой бокал и собираясь вновь наполнить его.

Фуршет, которого так долго ждали бизнесмены и чиновники, принимавшие участие в конференции, вот уже почти час продолжался в большом стеклянном холле пансионата «Сокол», который расположился в живописном месте, почти на вершине холма. Холмов этих было несколько, они опоясывали город Тарасов со всех сторон, и микрорайоны на остальных холмах гордо именовались «тарасовской Швейцарией». На одном из них и был выстроен в семидесятых годах пансионат, служивший для городской элиты и высокопоставленных гостей местом отдыха и развлечений. Сюда поселили зарубежных гостей конференции, да и многие тарасовские участники собирались остаться здесь на ночь. Некоторые потому, что уже основательно нагулялись спиртным, а иные – чтобы предаться пороку вне лона семьи. Почти каждую ночь к пансионату ночью подкатывали машины, из которых выпархивали ночные бабочки – вульгарно раскрашенные, разодетые проститутки.

Евгений, в частности, тоже подумывал, не стоит ли ему разрядиться сегодня подобным образом, хотя в глубине души ему просто хотелось выпить, а потом в одиночестве полежать в охлажденном кондиционером номере. Кстати, может быть, и поговорить с кем-нибудь, к примеру, с тем же Парамоновым. Мужик он вроде бы ничего, а после выпитого – и вообще сойдет за доброго приятеля. Может, чем и в бизнесе поможет.

– Если серьезно, то нас беспокоит связь вашего бизнеса с криминалом, – тем временем говорила Элис Симпсон. – Очень беспокоит. Поэтому роль масс-медиа очень важна. Нужна, как говорит ваш президент, открытость...

– Прозрачность, – подсказал ей Ястребов.

– Да, йес, про-зрач-ность, – по слогам повторила Элис. – Нужно платить налоги, получать прибыль.

– И строить новые дома, – подхватил терпшийся возле Ростовцева Полубейцев. – Развивать эту, как ее...

– Инфраструктуру, – в качестве подсказки снова выступил эрудированный Ястребов.

– Если будет развиваться демократия, все будет, – сказала Элис. – Без открытости сложно...

– А вот скажите, уважаемая мисс Симпсон, – снова заговорил Парамонов. – У вас капиталы все в Америке чистые?

– То есть? – вытаращила серые глаза Элис.

– Они все легальные?

– Конечно.

– А я уверен, что нет, – упрямо возразил Парамонов. – Потому что все миллиардеры – наследники бандитов с большой дороги, которые грабили честных людей у вас в девятнадцатом веке.

– Ну вы не обобщайте, Виталий Романович, – примирительно произнес Ястребов. – И у нас есть проблемы с чистотой капиталов, и там. Они есть везде. Поэтому мы собираемся здесь и разговариваем.

– У нас, например, чистые капиталы, – сказал Игорь Ростовцев, обнимая за плечо Полу-бейцева. – Я готов все показать, все доказать, откуда, чего и куда.

– Да брось ты, – неожиданно вмешался Котов, принявшийся к тому времени опустошать второй бокал алкогольного коктейля. – Неужели ты хочешь сказать, что платил все налоги?

– Ну, может, пять лет назад и не платил. А кто их тогда платил? – улыбнулся Ростовцев. – А теперь собираюсь все делать цивилизованно. Мы работаем с границей – там никакого черного нала.

– Ноу, черный нал – ноу! – сделала озабоченное лицо Элис. – Это плохо. Не-проз-рач-но! Парамонов широко улыбнулся и обнял Элис за плечи.

– Россия – совсем другая страна! – воскликнул он.

Мисс Симпсон сочла необходимым отстраниться от пузатого чиновника, но сделала это вежливо, совсем по-американски.

– Америка – тоже другая страна, – ничего не нашла она лучшего ответить захмелевшему Виталию Романовичу.

Парамонов, однако, решил пойти в атаку и взял американку за руку.

– Понимаете, мисс Симпсон, пока вы не поймете, что Россия – совсем другая страна, вы не сможете здесь нормально работать. Андэстэнд? – насмешливо глядя на американку, спросил он.

Это было слишком. Чиновник явно перебарщивал и с фамильярностью, и с резонерством. Дипломат Ястребов снова поспешил на помощь:

– Элис, вы не будете против, если мы с вами обсудим кое-какие детали? Я вспомнил, что есть проблемы с завтрашним днем...

– Прямо сейчас? – снова удивилась Элис, и в ее глазах промелькнул некий интерес.

«Неужели Ястребов хочет уединиться со мной в неформальной обстановке?» – подумала она.

– Нет, просто дискуссия с господином Парамоновым приобрела некую остроту, и я подумал, что вы втянетесь в нее, – вывернулся Ястребов.

– О, нет! – рассмеялась Элис. – Господин Парамонов – очень интересный собеседник.

И, заметив неприкаянного Котова, который только и делал, что пил, обратила на него внимание:

– Думаю, что и господин Котов тоже...

– Да-а, пожалуй, что... – Котов во второй раз за этот вечер напоминал самому себе героя Ильфа и Петрова.

Нужно было учесть жуткую жару, на которую наложился джин с тоником. Евгений, который не мог назвать себя полным кретином и олухом, тем не менее стремительно терял способность высказываться четко и вести себя адекватно. «Черт знает что такое», – подумал он про себя. А Элис, глядя на жалкие попытки Котова поддержать разговор, подумала, что еще один русский мужик потерял от ее прелестей голову.

– А изменения в нашем бизнесе уже начинают происходить, – уже довольно тяжелым языком упорно продолжал обхаживать американку Парамонов.

– О'кей, я поняла, – Элис начинало надоедать настойчивое внимание этого пузана.

– Кстати, об изменениях, – тут же вклинился в беседу Игорь Ростовцев. – Я тут подготовил пакет документов, которые могут заинтересовать вас.

Элис в который уже раз за вечер удивленно подняла брови.

– Да-да, – поспешил подтвердить свои слова Игорь и вытащил из папки скрепленные степлером листки бумаги.

– Но... Может быть... после? – неуверенно, соблюдая вежливость, предложила Элис.

– Вот именно, что после, – поднял палец вверх Парамонов. – А сейчас надо заниматься совсем другими делами.

И он многозначительно посмотрел на Ростовцева: мол, типа, парень, вали ты отсюда со своими проектами, пока не поздно. Совсем, что ли, кретин?

Однако сама Элис решила по-другому. Снова ощутив на своем плече липкую руку толстого чиновника, она с благодарностью восприняла перспективу ознакомиться с бумагами бизнесмена Ростовцева.

– Впрочем, давайте прямо сейчас, – решительно повернулась она к Игорю и улыбнулась.

– Пойдемте туда, – показал Ростовцев в сторону открытого окна. – А то здесь становится жарко. Там хотя бы воздух.

Элис согласилась и, взяв папку, пошла к окну. Парамонов, на лице которого застыла глупая улыбка, повернулся к Котову. Евгений продолжал бороться с нахлынувшим на него ступором и тупо взглянул на чиновника.

– Вот эти американки, – выдохнул Парамонов. – Феминистки... На сраной козе не подъедешь. Ты как думаешь?

– А я что... – Котову нужно было хоть как-то отреагировать. – Тут, понимаешь, дело такое. Жарко... Может, выпить еще?

– Может, – уклончиво ответил Парамонов. – Давай только отойдем к окну, а то действительно жара.

Они наполнили свои бокалы и через полминуты присоединились к Ростовцеву с Элис, которые были заняты документами. Бизнесмен с американкой стояли с одной стороны большого окна, а Котов с Парамоновым – с другой. Позади них образовалась большая группа участников конференции, которая общалась с Ястребовым и другими ответственными лицами. Фуршет вступил в завершающую фазу. Начало смеркаться, и вскоре желающие могли отправиться в ночной бар, где к услугам постояльцев пансионата были бильярд, дискотека, а для особо сексуально озабоченных – девушки без комплексов.

Котов уныло глядел на лес, который раскинулся на вершине холма, паривших в вечернем воздухе птиц. Ему почему-то стало грустно – он подумал внезапно, что эти красоты его не радуют, и причины этого надо искать в каких-то личных проблемах. В том, что не складываются отношения с женой, что он скатывается в пучину алкоголизма, что, несмотря на кое-как идущий вперед бизнес, он по-настоящему не реализовался в жизни. Нужно было что-то менять, заняться чем-то еще. Словом, искать стимул для дальнейшего существования. Прежние исчерпали себя.

Он практически не слушал Парамонова, отвечая ему односложными фразами и кивками головой. Евгений твердо решил сегодня не напиваться, не оставаться в пансионате и ехать домой. Может быть, даже позвонить старому приятелю, возглавлявшему издательство: у того родилась идея начать снимать в Тарасове сериал наподобие латиноамериканских. Может быть, присоединиться, финансово поучаствовать? Да и интересно все это, наверное... Вот тебе и разнообразие в жизни. Да, точно, надо так и сделать. Может быть, и Лариса поймет, что Евгений в конце концов тоже не стоит на месте, а стремится к переменам. Потом надо взять ее с Настей и поехать куда-нибудь отдохнуть. Такого, кстати, не бывало уже несколько лет. То он со своей Москвой и запоями, то Лариса со своими расследованиями...

Благочестивые мысли Котова набирали ход. Он уже видел себя, подтянутого, без животики, бегущего по пляжу навстречу жене. И она, со своими белокурыми развевающимися волосами, тоже бежала. Навстречу ему. И... никаких забот, беспокойств, опасностей.

Открывающееся шампанское. С резким хлопком. Это уже в номере гостиницы. Там все гораздо круче, чем здесь. И хлопок пробки круче. Вот как такой... Именно такой.

Евгений явственно услышал этот хлопок. А потом еще один. Едва он очнулся и успел понять, что хлопок этот отнюдь не от воображаемой пробки из воображаемого шампанского на курорте вместе с Ларисой, а совсем по другому поводу и реально здесь, в пансионате «Сокол», как хлопок повторился снова. И столь же резко. Может быть, даже гораздо резче, чем это должно быть в случае с шампанским.

И мгновение спустя после этого третьего, последнего, хлопка Котов ощутил резкую боль в плече. Вдогонку в его уши ворвался яростный визг женщин, находившихся в зале за его спиной. Он качнулся и инстинктивно отпрянул за раму окна. Котов уже начинал понимать, что случилось что-то страшное и что его мечты о прекрасном отдыхе были совсем из другой оперы.

До него начинало доходить, что произошло убийство. И что хлопки – это следствие выстрелов из ружья с глушителем. И по-видимому, убийца стрелял через открытое окно. А может быть, даже не убийца, а террорист.

Евгений повернул голову и увидел, что на полу лежит Элис Симпсон и по ее лбу течет кровь. Прямо на ней, сверху, лежит тело бизнесмена Ростовцева. Оттопыренная губа, кровавое пятно на белой рубашке.

Краем глаза Евгений видел, как бросились врассыпную от окна все остальные присутствовавшие в зале, стоявшие поодаль. Красавец Ястребов, спрятавшись за спину какого-то толстяка, с ужасом взирал на упавшие тела американки и Ростовцева. Визги и плач женщин, суета...

Первым опомнился какой-то молодой парень и коллега Ростовцева, Михаил Полубейцев. Они осторожно, на полусогнутых, приблизились к телам несчастных. Спустя несколько секунд парень поднял глаза и сказал:

– Похоже, все... Мертвы оба.

По залу вновь прокатилась волна визгов, выкриков и вздохов. Кто-то бросился вниз по лестнице. Спустя некоторое время в зале появились охранники и милиция, дежурившая в пансионате.

– Спокойно, отойдите от окна! Все отойдите! – командовали силовики.

Это, собственно, было и не нужно. Участники конференции прятались за колоннами, некоторые бросились в казавшийся им безопасным коридор. И тут панику внес истошный женский голос:

– Это чеченцы! Сейчас взорвут весь пансионат!

Поддавшись настроению паникерши, и мужчины и женщины бросились вниз.

– Спокойно! Никаких взрывов не будет! Стреляли в них! – Лейтенант милиции показал на Элис и Ростовцева.

«И в меня!» – хотел добавить Котов, но не стал этого делать. Увлекаемый в глубь зала Парамоновым, он схватился за плечо и лишь досадовал сейчас на то, что его черт дернул пойти на эту конференцию, а потом попереться на этот дурацкий фуршет, что леший попутал его выпить и встать у открытого окна с этим толстым дураком Парамоновым. Из плеча текла кровь, боль усиливалась, и Котов застонал. Парамонов остановился и сочувственно поглядел на Евгения.

– Он меня ранил, ранил! – вопил Котов расширившимися от ужаса глазами глядя на алую струйку, сочившуюся из его плеча.

Привлеченные этим возгласом, к ним подошли милиционеры и охранники, а также всклокоченный директор пансионата.

Глава 2

В зале разрасталась невообразимая суматоха, со всех сторон сбегались люди: участники конференции, персонал пансионата, администрация... Суэта сопровождалась криками, визгами, оханьем и беспорядочной беготней. Но весь этот хаос постепенно обретал черты конструктивности и разума.

Директор пансионата выхватил у вопящего Котова мобильный телефон и дрожащими пальцами набирал номер милиции и «Скорой помощи». К Котову подошла местная врачиха, полная женщина с высокой шишкой из светлых волос и торопливо увела его к себе в кабинет.

– Меня ранили, ранили! – чуть не плача, повторял Евгений.

Женщина что-то говорила ему, мягко, но решительно освобождая плечо Евгения.

– Скажите, я не умру от потери крови? – встревоженно вопрошал Котов.

– Нет-нет, – невольно усмехнувшись, успокоила его врач. – Ничего страшного, сейчас сделаем перевязку, и через несколько дней будете в полной форме. Только избегайте физических нагрузок.

– Боже мой! – ахнул Котов, который успешно избегал физических нагрузок уже в течение нескольких лет.

Она смазала рану, перевязала ее и, вручив Евгению пузырек какого-то лекарства, сказала:

– Мне нужно вернуться туда...

– Конечно, конечно, – закивал Котов. – А у меня не будет заражения крови?

– Нет. И вообще радуйтесь, что легко отделались. Если бы пуля прошла чуть левее, вам бы уже и заражение крови не грозило.

От осознания, какой опасности он избежал, Котов чуть было не впал в кому, но постарался взять себя в руки и даже пошел за врачом обратно в зал. Однако заходить туда он поостерегся и замешкался у двери, лишь осторожно заглядывая в зал.

Там уже хлопотали врачи из бригады «Скорой помощи», расхаживали нахмурившиеся оперативники, начальник группы о чем-то разговаривал с растерянным и подавленным директором пансионата. Тот беспрестанно вытирал высокий лоб платком, качал головой и что-то говорил, показывая рукой то на тела, то на окно, то на Виталия Романовича Парамонова, сидевшего в углу. Потом он обвел зал глазами, заметил стоявшего в дверях Котова и указал на него. Евгений увидел, как один из милиционеров направился к Парамонову, а другой – в его сторону.

– Старший лейтенант Козырев, – представился он. – Вы свидетель происшествия?

– Я? – растерянно переспросил Котов. – Но я скорее жертва... Я пострадавший, понимаете? Вот, меня ранили! – Он чуть ли не с гордостью показал забинтованное плечо.

– Ваши документы, – с поразительным равнодушием отнесшись к травме Евгения, проговорил лейтенант.

– Пожалуйста, – Котов достал из кармана паспорт и добавил: – Моя фамилия Котов, я известный бизнесмен, наверное, слышали?

– Нет, – все с тем же возмутительным безразличием ответил лейтенант, открывая паспорт.

– Ну, конечно, – притворно вздохнул Котов, – я больше известен в Москве. Провинция, знаете ли, всегда отставала от столицы в плане информированности.

Лейтенант ничего не ответил на это, а попросил Котова отойти в сторону и рассказать, как все произошло. Котов, волнуясь и стараясь обставить все так, чтобы самому выглядеть на высоте, принялся рассказывать. Лейтенант периодически что-то записывал в блокнот.

Краем глаза Котов видел, как допрашивают Парамонова. Тот держался холодно и надменно. Котов попытался было принять ту же манеру, но непробиваемый лейтенант никак не реагировал, и Евгений прекратил тратить моральные силы еще и на это.

Потом к нему не раз подходили, задавали одни и те же вопросы, так что часа через два у Евгения уже голова шла кругом. Наконец тела убитых были увезены, место происшествия тщательно осмотрено, результаты запротоколированы, и менты вместе со «Скорой» уехали.

Котов почувствовал, что ему просто необходимо прилечь, он ощущал полный упадок сил. «К тому же и врач велела беречь плечо, – напомнил он сам себе. – Нужно заботиться о своем здоровье, ведь это самое главное! Не пить, не курить и вообще вести здоровый образ жизни!»

Вспомнив, сколько раз он сам губил свое здоровье, а сегодня совершенно случайно избежал смерти, Евгений ужаснулся. Он заметил стоявшую на столике полную рюмку, подтянул ее к себе и залпом выпил.

«Для успокоения, только чисто для успокоения! – убеждал он себя. – Мне же нужно беречь нервы. Все болезни от нервов!»

После рюмки Евгений расчувствовался, ощутил себя совсем одиноким и заброшенным, ведь его как-никак ранили, а никто не обратил на это должного внимания, словно то, что случилось с ним – обычная история! Вместо покоя и внимания подвергли какому-то унижительному допросу! Безобразие! Черствые, бездушные люди!

Тут Евгений вспомнил о жене и решил срочно позвонить ей, чтобы получить хотя бы по телефону то, в чем так остро нуждался. Он быстро прошел в приготовленный для него номер, достал мобильный телефон и вскоре услышал ровный голос Ларисы.

– Алло?

– Лара! – произнес Евгений дрогнувшим голосом. – Это я... Женя.

– Я поняла, – ответил Лариса чуть удивленно. – Ты что так поздно?

– Ларочка, со мной тут такое приключилось! – прохныкал Котов. – Просто кошмар! Представляешь, после заседания, прямо посреди фуршета в зале началась стрельба!

– Господи! – воскликнула Лариса. – Разборки, что ли, какие? Там же вроде солидные люди собрались...

– Это не разборки, а вообще черт знает что! Стреляли из окна, в итоге два трупа! А мой мог бы стать третьим! – трагическим тоном добавил он.

– Ты был рядом? – Волнение в голосе Ларисы усилилось.

– Да буквально в полуметре! Я просто чудом остался жив, просто очень ловко успел увернуться! – слукавил он. – Тем не менее меня ранили!

– Господи! – повторила Лариса. – Ты в больнице?

– Нет, у себя в номере, в пансионате. К счастью, рана неопасная, но необходим полнейший покой. Я немного пришел в себя и вот звоню тебе...

– Тебя врач смотрел?

– Конечно, сделал перевязку, велел лежать и отдыхать...

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнула Лариса. – Так лежи и отдыхай. Завтра заключительный день конференции, ты останешься? Или конференция теперь отменяется?

– Естественно, останусь, – вздохнул в ответ Котов. – Работа же прежде всего!

– Приедешь завтра?

– Да, – сказал Котов, но, спохватившись, на всякий случай добавил: – Хотя возможно, что и нет. Сама понимаешь, после того, что случилось, меня могут пригласить дать какие-то показания... Ах, Лара, ты же знаешь нашу милицию! Мало ли что им взбредет в голову! Они сегодня мне вымотали все нервы...

– Понятно, – в голосе Ларисы появились насмешливые нотки – она хорошо знала своего мужа. – В общем, раз ничего страшного с тобой нет, ложись спать. И очень тебя прошу, не пей и не вляпайся ни в какую историю! Сегодня спишь, завтра – только дела и вечером сразу домой. Понял?

– Понял, – ответил Евгений.

Он хотел еще поговорить, в красках и со всеми подробностями рассказать, что ему пришлось пережить во время обстрела и как после этого ему еще трепали нервы менты, но Лариса повесила трубку. Котов ощутил себя настолько несправедливо обиженным, что просто не мог находиться один в номере. Ему срочно нужно было поделиться с кем-то своими переживаниями.

Он вышел из номера и спустился вниз. Зал, где произошла трагедия, был закрыт – персонал наводил там порядок. Для постояльцев был выделен малый зал, в левом крыле пансионата. Евгений прошел туда.

В зале стояла неимоверная духота. Народу было немного, большинство предпочло запереться у себя в номерах. Присутствующие же разбились на малочисленные группки и выглядели довольно удрученными. Не было ни музыки, ни шумных разговоров. В основном обсуждалось трагическое происшествие. Котов хотел было присоединиться к одной из компаний и рассказать о случившемся со своей колокольни, но те почему-то упорно не хотели видеть в нем великомученика, все жалели погибших, и Евгений быстро потерял к компании интерес.

Он поклонился по залу, и вдруг взгляд его упал на одиноко сидевшего в стороне Виталия Парамонова. Евгений поспешил к нему, обрадовавшись, что нашел единомышленника.

Перед Виталием стояла наполовину полная бутылка джина, и это обстоятельство во многом определило выбор Котова.

– Привет, – небрежно бросил он, подсаживаясь к Парамонову. – Ну и вечерок сегодня, а?

Парамонов неопределенно кивнул и налил Котову джина. Оба выпили, не чокаясь, после чего Котов, закусывая маслиной, спросил:

– Ну как ты?

– Да! – махнул рукой Парамонов. – Все нервы вымотали эти козлы!

– Ох, а мне как вымотали! – тут же подхватил Котов. – До чего бесчувственные люди!

Видят, в каком мы состоянии, и лезут с дурацкими вопросами.

– Мы-то что можем знать? – поддержал его Парамонов. – Самих чуть не ухлопали!

– Слушай... – Евгений приблизился к Виталию. – Ты как думаешь... Может быть, это на нас было рассчитано?

– В смысле? – не понял Парамонов.

– Ну, может, это нас... всех хотели? В смысле, и тебя, и меня? Мы же случайно живы остались?

– Ты что же, думаешь, что всех четверых грохнуть хотели? – нахмурился Парамонов.

– Так получается!

– Вообще-то, – оглянувшись по сторонам, понизил голос Виталий, – я думаю, что это меня грохнуть хотели! Если б я не увернулся, то точно бы лежал сейчас в морге...

– А я? – удивился Котов.

– Да ты-то кому нужен! – отмахнулся Парамонов.

Котова сильно задело такое пренебрежение к его персоне. Парамонов, заметив его унылое выражение лица, усмехнулся:

– Вот чудак человек! Тебе радоваться надо, а ты киснешь!

И тут же, посерьезнев, продолжил:

– Сам посуди – мое-то положение гораздо хуже! Сам понимаешь, кому мешаю. И теперь жить как на вулкане...

Несмотря на то что алкоголь уже оказывал на него свое воздействие, Котов не утратил способности рассуждать здраво. Вдумавшись в слова Виталия и оценив положение, в котором он оказался, Евгений похолодел. Он понимал, что жизни чиновника, конечно, угрожает куда большая опасность, чем его, Евгения, жизни, и ему стало не по себе. Желая как-то подбодрить Парамонова, Евгений предложил:

– Давай-ка лучше выпьем!

– Давай, – наполняя рюмки, кивнул Парамонов и, не дожидаясь Евгения, выпил первым.

Тут только Котов заметил, что чиновник уже порядком набрался. Взгляд его был унылым и замутненным: слова он произносил не очень четко. При мысли о том, что он может лишиться единственного нормального собеседника, Евгений почувствовал легкую тревогу. Нужно было во что бы то ни стало спасти общение.

– А давай-ка еще выпьем, – торопливо проговорил Котов, демонстрируя железную логику, и тут же, словно оправдываясь, добавил:

– А то нервы ни к черту. К тому же жарко, душно...

– Это верно, – расстегивая ворот дорогой небесно-голубой рубашки, согласился Парамонов. – Наливай!

Евгению можно было этого и не говорить, потому что он уже наполнил рюмки.

– Давай за то, чтобы никакая ерунда не отвлекала нормального человека от важных дел! – с пафосом произнес Евгений, высоко поднимая рюмку.

Парамонов ограничился кивком, быстро выпил и вытер рот, а затем и вспотевший лоб платком. После этого он посмотрел на Евгения с каким-то неожиданным любопытством.

– А что же жена-то твоя не приехала? – спросил он. – Она же тоже бизнесом занята, как я помню...

– Что? Жена? Даа-а! – Котов махнул рукой. – Ей все это, понимаешь ли, неинтересно! Так и заявила! И вообще, она в последнее время стала какая-то... скучная.

Евгений обрадовался возможности излить наболевшее случайно возникшему благодарному собеседнику и принялся описывать поведение Ларисы в последнее время.

– Ничем не проймешь! – сокрушенно качая головой, цокал языком Евгений. – Один криминал на уме! Постоянно во что-то вляпывается! Вляпывается и вляпывается! А я страдаю!

– А ты-то при чем? – скосил на него недоуменный взгляд Парамонов.

– А как же? А где забота мужу, семье? Где внимание, тепло и ласка? – Котов говорил вдохновенно, словно актер МХАТа на премьере. – Сутками дома не бывает, я уж и забывать стал, как она выглядит!

Котов, увлекшись описанием личной трагедии, совершенно не замечал, как он преувеличивает, а главное, ругая соринку в чужом глазу, совсем забыл о бревне в собственном – за последние два месяца он ночевал в месте, которое называл домом, не более пяти раз, о том, как учится дочь Настя, знал только по рассказам Ларисы, а как идут дела у самой Ларисы, и вовсе понятия не имел, поскольку времени на столь пустяковые разговоры не находил.

– ...А сегодня, представляешь, – жаловался Котов, найдя свободные уши, – звоню ей домой, хочу рассказать о том, что здесь произошло, а она? – Евгений вопросительно посмотрел на Парамонова.

– А она? – заинтересовался Виталий.

– А она одно – «ложись спать!» До чего равнодушная женщина! К родному мужу такое холодное безразличие! – Котов всплеснул руками, словно старая бабка. – Все-таки в меня не каждый день стреляют... А если это покушение? Вот если бы на кого-то из людей посторонних было покушение, она бы моментом помчалась расследовать! А на меня плевать! Конечно, чего там, муж какой-то!

Котов с удовольствием смаковал удачную тему, склоняя жену на разные лады, но Парамонов вдруг перебил его:

– Да-да, она же у тебя вроде расследованиями занимается... Я слышал об этом. И говорят, довольно успешно, а?

– Успешно? О, еще как! Знаешь, сколько преступлений раскрыла? – Если бы Котова видела сейчас Лариса, она бы подумала, что в Евгении пропал великий артист. – Сейчас все дела и не вспомнить... Ну, словом, все, за какие ни бралась – все раскрывала! Менты ничего сделать не могли, ФСБ даже, – приврал Котов, – а она – мухой! Ну, до чего умная женщина,

порой просто удивляться приходится! Посидит, подумает, и – готово! Можно с поличным брать. И главное, денег не берет за свои услуги. Все ради людей. Таких женщин еще поискать!

Непоследовательный Котов уже забыл, как пару минут назад поливал Ларису грязью, и теперь отчаянно хвастался, расточая жене дифирамбы, словно ее заслуги принадлежали и ему.

– Я даже помогал ей несколько раз, – важно разглагольствовал он, – все-таки женщина, душа болит, мало ли что может случиться...

– Слушай... – Парамонов, посерьезнев, сжал локоть Евгения, – вот бы она этим делом занялась, а? Если такая поднаторевшая. В ментов-то я давно не верю, знаю, как они работают. Сейчас всех на уши поднимут, видимость работы создадут, потом расскажут, какие чудеса сыска проявили, а в итоге засадят кого-нибудь левого или пристрелят, да на него и спишут все!

– Это верно, – кивнул со вздохом Евгений, бросив взгляд на опустевшую бутылку.

Он ощутил, как весь вспотел, рассказывая разного рода небылицы о Ларисе. Потом задумался. Что, если и впрямь попросить Ларису расследовать это дело? Не может же она отказать, если речь идет о безопасности ее мужа. Но Лариса может возразить, что Котов тут ни при чем, просто случайно попал в эпицентр событий. С другой стороны, об этом просит сам Парамонов, человек, который мог бы быть очень полезен Евгению. Если Лариса действительно выяснит, кто стоит за всей этой кутерьмой, можно рассчитывать на щедрое вознаграждение со стороны Виталия. Ведь именно об этом размышлял сегодня Евгений, о том, как бы найти подход к влиятельному чиновнику, а тут судьба сама плывет в руки. Подумать только, сам Парамонов будет ему обязан. Нет, этот шанс упускать нельзя. Ларису непременно нужно убедить взяться за это дело. Только умеючи, не в лоб. Нужно, чтобы она заинтересовалась.

– Подумать нужно, – потирая лоб, проговорил Евгений. – Она занята вообще-то по горло.

– Послушай, хоть ты и убеждал меня в ее бескорыстии, я в него, честно говоря, не очень верю, – скептически нахмурил брови Парамонов. – И я не из тех, кто пользуется услугами на халяву. Так что так и скажи жене: выяснит – в долгу не останусь.

У Котова посветлело на душе. Слову Парамонова можно было верить, это все знали. Несмотря на то что Виталий был несколько прижимист, если уж он что-либо обещал, в осуществлении этого можно было не сомневаться.

– Слушай, – Парамонов вдруг резко поднялся, – пошли-ка ко мне в номер, здесь от духоты голова скоро треснет.

– Пошли, – легко согласился Евгений. – Только давай возьмем что-нибудь с собой, а то горло совсем пересохло.

– Само собой, – ответил Парамонов.

Они прошли к бару, запаслись крепким баночным пивом, пакетиками с крабами и оливками и направились в номер Виталия, который располагался на третьем этаже.

– Что за гостиница! – возмущался Котов, поднимаясь по лестнице. – Лифта нет, кондиционеров нет! Конечно, всего три этажа, но в такое пекло и этого много! Нет, провинции никогда не достигнуть европейского уровня.

Виталий ничего не отвечал на ворчания Котова, спокойно поднимаясь впереди него. Они прошли по коридору до нужной двери, Виталий отпер замок, пропуская Котова в свой номер. Там Парамонов включил вентилятор, и Евгений сразу же плюхнулся в кресло, направив струю прохладного воздуха в свою сторону.

– Фу-у-ух, – обмахивая себя еще и взятой с журнального столика газетой, проговорил он. – Эх, и жара! В этом году, пожалуй, все рекорды перекрыла!

– Открывай, – односложно ответил Парамонов, имея в виду пиво.

Он поставил на стол четыре банки, а остальные отнес в холодильник, потом распахнул настежь окно.

– Да-да, пивка холодненького сейчас самый раз, – подхватил Евгений.

Он быстро вскрыл две банки и с жадностью припал к одной из них. Пиво было очень холодным, у Евгения сначала даже зубы заломило.

– Ну вот, а ты гостиницу ругаешь, – заметил Парамонов, тоже взяв банку, – пиво-то вон какое охлажденное.

У Котова быстро поднималось настроение, и он уже не хотел ругать ни гостиницу, ни жену, ни кого бы то ни было. Он впал в благодушное расположение и стал рассуждать о том, как было бы хорошо, если бы вокруг царили всеобщее братство и взаимовыручка. Парамонов слушал, кивал головой, а его мясистое лицо все больше краснело от выпитого. Наконец он устал слушать Котова и решительно перебил его:

– Так ты когда жене позвонишь?

– Завтра с утра, – закусывая пиво нежным крабовым мясом, ответил Котов. – Сегодня не буду, она уж, поди, спит, не поймет ничего спросонья... Хотя, я думаю, – лучше с ней говорить не по телефону.

– Разумно, – согласился Парамонов. – Вот завтра с утра и поезжай домой, все равно тебе эта конференция, я смотрю, по барабану.

– Отлично, – обрадовался Котов.

Ему было ясно, что после того, что случилось, ни о каком повторном фуршете и речи быть не может. Да и народ теперь впал в уныние, поговорить даже не с кем. Так что Евгений окончательно потерял интерес к конференции «Бизнес и средства массовой информации в демократическом обществе» и рад был возможности избежать скучного сидения в душном переполненном зале.

Холодное пиво шло буквально на «ура», а так как оно было крепким – в добавление к тому, что Виталий с Евгением успели за сегодняшний вечер принять немало спиртного, вскоре разговор между ними постепенно стал тускнеть, а сами новообетенные приятели сникать. Они вяло пережевывали крабов, закусывая оливками, и молчали. Потом Парамонов тяжело поднялся и, пройдя к входной двери, открыл ее.

– Ну и жарница! – пробормотал он. – Может, хоть так сквознячок появится...

Евгений пока что не ощущал ни малейшего сквозняка, несмотря на включенный вентилятор и распахнутые окно и дверь. Он почувствовал, что голова его становится тяжелой, ему мучительно захотелось опустить ее на мягкую подушку или даже на жесткий подлокотник кресла, но он старался держаться, замечая, что и Виталий откинулся в кресле и время от времени прикрывает глаза. Но пиво еще не все было выпито, и Евгений не мог себе позволить терпеть такое безобразие. Поэтому он продолжал тянуть холодный напиток, уже не закусывая.

Наплевав на приличия – свои люди все-таки! – он также откинулся в кресле, пытаясь устроить голову поудобнее. Прикрыв глаза по примеру Парамонова, он стал размышлять об открывающихся перед ним возможностях в случае успешного проведения Ларисой расследования. Перспективы ему рисовались самые радужные, и Евгений не заметил, как сладко задремал.

* * *

Очнувшись он оттого, что кто-то весьма бесцеремонно тряс его за плечо. Котов попытался скинуть тревожившую его руку и вновь погрузиться в сон, но в уши прорезался громкий оклик:

– Евгений Алексеевич! Проснитесь!

– Ну что еще? – недовольно произнес Котов, с трудом разлепливая веки.

Он увидел перед собой уже знакомого ему старшего лейтенанта Козырева, того самого, который допрашивал его несколько часов назад.

– Вам чего? – грубо спросил Евгений.

– Нам необходимо с вами поговорить.

– Что, опять? – возмутился Котов. – Знаете, драгоценный, это уже переходит всякие границы! Человеку даже ночью отдохнуть спокойно не дадут!

– Что поделаешь, это необходимо, – невозмутимо проговорил Козырев.

– Тьфу! – с досадой сплюнул Котов и потянулся к банке пива на столике. И только тут понял, что по-прежнему находится в номере Парамонова, где совершенно случайно задремал. самого Виталия в номере почему-то не было.

– Руками не трогать! – Голос Козырева неожиданно прозвучал столь резко, что Евгений невольно отдернул руку и с удивлением воззрился на старшего лейтенанта.

– Я вас попрошу ничего здесь руками не трогать, – уже спокойнее повторил лейтенант.

– Но почему? Я пить хочу, жарко, знаете ли... – возмутился Евгений.

– Скажите, ведь это не ваш номер? Как вы сюда попали? – не отвечая Котову, спросил Козырев.

– Я пришел вместе с Виталием Парамоновым, это мой друг, чтобы немного расслабиться после случившегося, – по-прежнему не понимая, чем вызван повторный визит Козырева, проговорил Евгений.

Он ощущал сильную сухость во рту и окончательно обозлился на лейтенанта.

– И пиво это я сам купил! И вообще, что вы себе позволяете, черт побери?! – взорвался Евгений.

– Давайте-ка пройдем побеседуем в другое место, – все так же спокойно отреагировал Козырев.

Ворча, Котов с трудом поднялся с кресла и двинулся за лейтенантом. Вместо них в номер вошли несколько человек в милицмейской форме.

– Сумасшедший дом какой-то, – проворчал Котов, шагая за Козыревым по коридору.

– Ваш номер сейчас свободен? – спросил тем временем лейтенант.

– Да, – ответил Евгений.

– Отлично, давайте пройдем туда.

Пожав плечами, Евгений направился к своему номеру. Лейтенант пропустил его вперед, Котов прошел, зажег свет и включил вентилятор.

– Так вы мне объясните наконец, что происходит? – повернулся он к Козыреву.

– Чуть позже, – пообещал тот, – а пока скажите, в котором часу вы поднялись в номер?

– Часов около одиннадцати, – припомнил Евгений. – Приблизительно.

– Вы были вдвоем с Парамоновым?

– Да.

– К вам заходил кто-нибудь?

– Нет, никто.

– И чем вы занимались?

– Ну, пиво пили, – ответил Евгений, – разговаривали...

– Это вы открыли окно?

– Нет, Виталий. Жарко было очень, даже вентилятор не помогал. Да почему вы этим интересуетесь?

– А дверь почему была открыта? – Старший лейтенант с возмутительной невоспитанностью игнорировал все вопросы Котова.

– По той же причине! Парамонову уже немоготу было, он встал и открыл дверь.

– А в коридоре в это время кто-нибудь был?

– Да вроде нет. Я, во всяком случае, не заметил. – Котов по-прежнему недоумевал.

– Хорошо, вернемся к вашим действиям. Вы пили пиво, разговаривали, а дальше что?

– Дальше я сомлел немного и задремал. А проснулся оттого, что вы меня разбудили.

– Что делал Парамонов перед тем, как вы заснули?

– Ничего, сидел в своем кресле, пиво пил... – все больше раздражался Котов.

– А почему вы не пошли к себе в номер, если захотели спать? – Козырев был буквально непробиваем.

– Да я не собирался спать! Я же говорю, сомлел просто! Мне вечер прерывать совсем не хотелось, это случайно получилось. Да сколько вы меня будете третировать своими дурацкими вопросами?! – взорвался Евгений. – Ничего не объясняете, мурыжите тут непонятно для чего! Я вам не лох какой-нибудь!

– Виталия Парамонова обнаружили выпавшим из окна собственного номера, – спокойно проговорил Козырев. – На втором этаже слышали его крик – странно, что вы его не слышали, – и выглянули в окно. Увидев тело на земле, вызвали «Скорую», но было поздно – Парамонов скончался. Поэтому я здесь и задаю вам эти вопросы. Ведь вы были в номере вдвоем...

Последнюю фразу Козырев произнес многозначительно. До Евгения очень медленно доходила реальность происходящего. Он посмотрел на Козырева, но в светлых глазах лейтенанта не отражалось абсолютно ничего, и невозможно было понять, о чем он думает.

– Но... – выдавил Котов, – вы хотите сказать, что его... выбросили из окна?

– Это нам еще предстоит установить, – ответил Козырев. – Но предсмертный крик Виталия Романовича говорит о том, что он не добровольно ушел из жизни.

– Господи! – вымолвил Котов, вытирая вспотевший лоб.

Ему стало ясно, на что намекал старший лейтенант, напоминая Котову, что они с Парамоновым были в номере вдвоем. Но это же просто абсурдно! Для чего ему было убивать Парамонова? Неужели этот лейтенант не понимает, что он, Евгений, совершенно здесь ни при чем?

– Я не сбрасывал его, – проговорил Котов. – Это просто чушь какая-то!

– Но кроме вас, в номере никого не было. И коридор был пуст...

– Но за то время, пока я спал, в номер мог войти кто угодно, тем более что дверь была открыта!

– А откуда этот «кто угодно» мог знать, что дверь будет открыта и что вы крепко заснете? Если это убийство, то замысливший его человек должен был все тщательно продумать, а не надеяться на случайность.

– Но я не знаю! Это уже ваше дело разбираться! Вы не можете просто так обвинить человека, вы даже сами не уверены, что это убийство! Может быть, он и спланировал все! – Котов с каждой фразой увеличивал эмоциональный накал своего монолога и вот-вот готов был перейти на визг. – Может быть, меня специально усыпили, вы бы вот, кстати, проверили это. Почему, в конце концов, я за вас думать должен?

– Обязательно проверим, – сказал Козырев, – а пока я попрошу вас проехать со мной в отделение.

– Что?! Да... Да по какому праву вы меня арестовываете по какому-то нелепому подозрению? Не думайте, что нашли крайнего! Я на вас жаловаться буду!

– Вы не арестованы, а задержаны, а на это я имею полное право.

Котов безнадежно махнул рукой. Ему не раз доводилось общаться с представителями закона, и он знал, что с ними лучше не спорить, нужно или подчиняться, или... Или попробовать договориться.

Евгений нащупал в кармане деньги. Их должно бы хватить, чтобы купить собственную свободу. Провести ночь в отделении милиции Котову совсем не улыбалось. Но когда он взглянул в непроницаемые глаза лейтенанта, его вдруг охватила ярость.

Да с какой стати, черт возьми, он должен платить этому дубоголовому менту?! Он ни в чем не виноват, за что платить? И дело здесь вовсе не в паршивых деньгах, а в принципе. И он, Евгений Котов, будет принципиален до конца! Этот лейтенант еще извиняться перед ним будет.

– Поехали! – внезапно успокоившись и обретя уверенность, сказал Котов. – Предупреждаю только, что это бесполезно – ничего нового я вам не сообщу. И лучше бы вы не тратили на меня время, а искали настоящего виновника.

Быстро подхватив пакет со своими вещами, Евгений прошагал к двери и повернулся к Козыреву, ожидая, когда он выйдет, чтобы запереть номер. Когда они спустились вниз, Котов вручил ключи администратору и холодно сообщил, что в гостиницу он не вернется. На улице они сели в милицейскую машину и поехали в отделение. В душном кабинете лейтенант Козырев монотонным голосом задавал Котову однообразные вопросы, окончательно вымотав Евгению все нервы. От жары, от всего случившегося за вечер, от рухнувшего на него обвинения и, наконец, от неотвратимо наступающего похмелья Евгений совсем раскис и отвечал на вопросы лейтенанта вяло и односложно.

– Хорошо, на сегодня закончим, – к радостному облегчению Евгения, сказал наконец Козырев, очевидно, сам уставший от всего этого, и вызвал дежурного.

Увидев в дверях молодого сержанта и поняв, что он пришел по его душу, Котов аж задохнулся.

– Вы хотите сказать, что я проведу ночь здесь? – закричал он. – Ну уж нет, этого вы не дожидаетесь! Я немедленно звоню своему адвокату, вы не можете мне этого запретить! Совсем обнаглели! Я вас заставлю уважать закон!

С этими словами Котов выхватил из кармана сотовый телефон, благо у него еще не успели отобрать вещи, и, нажав единственную кнопку, стал ждать ответа. Провести ночь в отделении представлялось ему таким кошмаром, что он моментально забыл обо всех своих принципах. Тем более что одно дело – заплатить деньги этому паршивому лейтенанту, и совсем другое – попросить Ларису выкупить его под залог.

Он поймал вопросительный взгляд сержанта, который тот кинул на Козырева, и крепче сжал телефон, решив, что не выпустит его ни за что. Однако к его удивлению, Козырев не стал принимать мер, чтобы помешать Евгению позвонить.

– Лара, – торопливо проговорил Евгений, услышав сонный голос жены, – мне некогда сейчас ничего объяснять, просто срочно приезжай в Кировский РОВД за мной. И захвати деньги, нужно заплатить залог.

– Сколько? – только и смогла спросить опешившая Лариса.

– На всякий случай побольше! – отрезал Евгений и, не удержавшись, слезно добавил: – Ларочка, только поскорее, прошу тебя, мне здесь ужасно пло...

Но Лариса, не дослушав его причитаний, уже повесила трубку. Евгений победным взглядом посмотрел на Козырева.

– Сейчас за меня внесут залог, – надменно произнес он, – и вы будете обязаны меня отпустить. Мне вообще непонятно, на что вы рассчитывали, привозя меня сюда!

* * *

На этот раз, поговорив с мужем, Лариса разволновалась не на шутку. Что там могло случиться? Во что опять вляпался этот неугомонный болван? Почему он в милиции?

Лариса задавала себе эти вопросы, лихорадочно собираясь. Она накинула легкий сарафан, сунула в сумку деньги и, заглянув в спальную к дочери и убедившись, что она спит безмятежным сном, поспешила на улицу.

Выводя свой «Вольво» из гаража, Лариса поехала к Кировскому РОВД. На проходной она, предъявив документы, быстро объяснила дежурному, что приехала для того, чтобы внести залог за своего мужа, Евгения Котова, которого держат здесь по неизвестной ей причине. Лариса не знала даже фамилии следователя, но сумела своим напором убедить дежурного

выполнить ее требование. Помимо этого на него произвела впечатление ее дорогая машина, и вскоре Лариса, соблюдая все формальности, получила возможность увидеть своего мужа.

– Пойдем скорее! – Евгений подхватил Ларису под руку и повел к выходу.

Они сели в машину. Лариса не задавала мужу вопросов, ожидая, когда он сам начнет рассказывать. Но Евгений молча курил сигарету, делая длинные затяжки.

Лариса тоже взяла сигарету, завела мотор, и «Вольво» на небольшой скорости отъехал от Кировского РОВД.

– Ну так что с тобой произошло? – не выдержала Лариса.

– Черт знает что! Такая канитель заварились... – пробормотал Евгений.

Несмотря на то что жена внесла за него залог и теперь он благополучно ехал домой, Евгений чувствовал себя не очень хорошо. Он испытал сегодня непривычное для своего положения унижение, злился на ментов, на конференцию, на демократов, на американцев, будь они неладны, и вообще на весь белый свет. Стараясь отогнать раздражение, чтобы оно не перекинулось еще и на Ларису, Котов принялся рассказывать о случившемся.

– ...А потом я проснулся оттого, что этот дуболом Козырев трясет меня за плечо. Он даже не объяснил мне, что происходит, начал задавать вопросы. Я все честно рассказал, но он, похоже, не поверил, потому что поволок меня к себе. Оказывается, пока я спал, Парамонова выкинули из окна собственного номера. Или он сам выпал, бог его знает, что там произошло на самом деле. Но он, хоть и был пьян, все же не настолько, чтобы на ногах не удержаться...

– А зачем ты вообще туда пошел? – начала заводится Лариса, до этого момента внимательно слушавшая мужа. – В смысле в номер к Парамонову.

– Ну... Посидеть, расслабиться, – неуверенно проговорил Котов. – Поговорить... Ты же знаешь, какой Парамонов влиятельный человек. И мы с ним как раз обсуждали эту стрельбу в зале, и Парамонов попросил обратиться к тебе, чтобы ты расследовала это дело. Я посчитал, что это хорошая идея.

– Хорошая идея! – передразнила Лариса. – Это вы могли бы обсудить и завтра на свежую голову. Я же сказала тебе – ложись спать! А ты вместо этого пошел приключений искать на свою задницу! И теперь вляпался так, что я даже не знаю, кто тебе сможет помочь!

– Лара! – Евгений с тревогой посмотрел на жену. – Но ведь ты не бросишь меня в беде? Да, теперь Парамонова нет, и о благодарности с его стороны можно забыть, но ведь ты почти всегда занималась расследованиями бескорыстно. Тебе всегда было скучно вести жизнь домохозяйки или директора ресторана. К тому же я как-никак человек не посторонний...

– Я очень часто об этом жалею! – огрызнулась Лариса и с досадой смахнула пепел с колен.

– Лара! – В голосе Котова зазвучала мольба. – Но ведь ты не хуже меня знаешь, что такое наша милиция. Ведь им все равно, кого засадить, лишь бы дело было «раскрыто», особенно когда речь идет о такой фигуре, как Парамонов! Я понимаю твои эмоции, но рассуди здраво – что будет, если меня посадят? И как бы ты ни пыталась от меня откреститься, это коснется тебя в первую очередь. Ну что я тебе все это объясняю, ты же сама прекрасно понимаешь...

Лариса только вздохнула. Да, конечно, хотя она и ругалась на Котова, которого, видимо, только могила исправит, в голове она уже прокручивала примерные пути для расследования этого преступления. Правда, здесь пока даже непонятно – одно это преступление или несколько? Связана ли гибель Парамонова с гибелью тех двоих в зале? Она даже пока не знает толком, кто они.

Котов продолжал убеждать Ларису, ласково поглаживая ее по руке. Голос его журчал, то поднимаясь до пафосных интонаций – «ты просто обязана это сделать, это твой долг», то опускаясь до умоляющего шепота – «Ларочка, куда же я без тебя?» Этот день можно было назвать бенефисом Евгения Котова, несостоявшегося актера. Он, невзирая на разраставшуюся головную боль, продолжал играть и «умирать» на сцене.

Лариса долгое время не отвечала, погруженная в свои мысли, затем неожиданно спросила:

– А с чего Парамонов решил, что покушались именно на него?

– А на кого же? – удивился Котов. – Ну, может быть, не только на него, а и на меня тоже, а тех, двоих, просто по ошибке пристрелили.

У Ларисы слегка дрогнули уголки губ, но язвить она не стала, а вместо этого спросила:

– Кстати, что представляют собой те двое?

– Да я же тебе рассказал...

– Мне их имена ни о чем не говорят, опиши подробнее – кто, что, чем занимались.

– Элис Симпсон, американка, двадцать восемь лет, приехала из Штатов, а может быть, и из Москвы. По-моему, она там жила и разъезжала по стране. Совершенно, знаешь ли, неинтересная женщина, корова просто какая-то. Ну как все американки, которые живут не в Голливуде. А что касается Ростовцева, то я его мало знаю, хотя он довольно крупный бизнесмен. Владелец сети супермаркетов «Планета», слышала же наверняка.

– А что за человек?

– Да говорю же, я его плохо знал, – махнул рукой Котов. – Мне он всегда казался надутым, неприятным в общении. Некомпанейский какой-то. А от других слышал, что вроде широкой души был. Не знаю, это ты уж не от меня лучше выясни.

Ларису невольно охватило зло. Она видела, что Котов уже успокоился, уверился, что жена возьмется его выручить, и теперь беспечно развалился на сиденье, обрадовавшись, что спихнул с себя ответственность.

– Ладно! – резко сказала Лариса, подъезжая к дому. – Разберусь сама. Только имей в виду – выкинешь очередную глупость, брошу все это к чертовой матери! И пусть тебя кто угодно из дерьма вытягивает.

– Что ты, что ты, как можно! – замахал руками Котов. – Ты главное, постарайся!

Лариса поставила машину в гараж и поднялась с Евгением в квартиру. Там она налила себе стакан в высокий бокал холодного сока и направилась в спальню. Котов сунулся было за ней, но Лариса решительно запротестовала:

– Вот что, дорогой, раз уж от тебя все равно никакого толку нет, не мешай мне хотя бы думать.

– Да ты что говоришь? – раскрыл рот Котов. – Как это от меня нет толку? Я тебе прямо сейчас могу доказать, как ты ошибаешься!

– Извини, но под «толком» я имела в виду совсем не то, что подумал ты, – усмехнулась Лариса, – а всего-навсего полезную информацию.

И с этими словами она захлопнула дверь перед носом оскорбленного в лучших чувствах Котова. Потом легла на кровать и стала думать, с чего начинать расследование.

Бравладу Котова о том, что покушались на него, она всерьез не восприняла, отнесшись к ней как к желанию набить себе цену. Да, конечно, самой вероятной кандидатурой на роль нужной жертвы является господин Парамонов. Тем не менее начать свое расследование Лариса решила с выяснения портрета американки Элис Симпсон. Вернее, даже не с него, а со звонка своему старому приятелю и некогда любовнику майору Карташову, с помощью которого было раскрыто немало дел. Он, безусловно, обязан был быть в курсе столь громкого дела.

Глава 3

– Я совсем не удивлен, – такой была первая фраза, которой Олег Карташов ответил на звонок Ларисы. – Конечно же, пансионат «Сокол», громкое убийство трех человек, в том числе иностранной гражданки.

– Олег, дело в том, что там ранили моего мужа, – начала как бы оправдывать Лариса свою заинтересованность в этом деле.

– Знаю, – выдавил из себя сочувствие Олег. – Ты еще вносила за него залог, мне рассказали об этом, как только я пришел на работу. Кстати, может влипнуть твой муженек. Алиби у него нет.

– Именно поэтому я заинтересована в этом деле, – Лариса пропускала мимо ушей язвительность Карташова по отношению к Евгению. – Что-нибудь уже удалось выяснить?

– Да как тебе сказать, – замялся Карташов. – Преступление совершил киллер. Следов никаких. Профессионально.

– Слушай, Олег Валерьянович, ты становишься умницей. Краткость – сестра таланта.

– Тебе это не нравится?

– Почему же, отнюдь нет. Только вот толку маловато, коли следов нет.

– А ты, конечно же, хочешь заняться этим громким делом и помочь милиции? – прямо спросил Карташов.

– Я же тебе объяснила причины моей заинтересованности. Но все же пока сомневаюсь, стоит ли лезть.

– Это правильно, что сомневаешься. Потому что сыщиков и так полно – все же убита американка, начальство бежит как одуревшее, губернатор грозит снять нашего шефа. Сама понимаешь, тень на наш город. Говорят уже, что в Питере – пацаны по сравнению с нами. Становимся столицей преступной России. Комиссия из Москвы наверняка приедет – словом, все как полагается.

– И мне во всем этом делать нечего?

– Боюсь, что да, – помедлив, сказал Карташов. – Хотя, может быть, я и не против, чтобы ты занялась этим делом. Учитывая твои прошлые подвиги.

– Так в чем же дело? Держи меня в курсе событий.

– Я был бы не против встретиться с тобой в твоём ресторане после работы, часов в шесть. По телефону мне не очень удобно тебе обо всем говорить.

– Хорошо, – согласилась Лариса.

Карташов прибыл ровно в шесть и был препровожден хозяйкой ресторана в Зеленый кабинет, где некогда проходили их деловые и не очень деловые встречи.

– А здесь ничего не изменилось, – с легкой ностальгической ноткой сказал Карташов. – Все как тогда.

– Когда?

– Ну, тогда...

– Когда ты не был женат? – напрямую уточнила Лариса, ставя перед майором чашку кофе. Карташов вместо ответа нервно растер лицо и опустил голову.

– Давай, наверное, к делу, – сказал он.

– А оно, похоже, сложное.

– Так точно, – уныло согласился Карташов.

– Что же ты хотел мне сообщить?

– А то, что, во-первых, стреляли с расстояния ста метров, из винтовки с оптическим прицелом, винтовка была брошена киллером в кустах. Во-вторых, выяснилось, что после про-

исшествия из пансионата исчез некто Павел Воронков, устроившийся туда на работу незадолго до конференции.

– То есть стрелял он?

– Скорее всего. Хотя... Стрелял-то не он... – Карташов тяжело вздохнул.

– Как это не он?

– Настоящий Воронков умер несколько лет назад. А стрелял некто, который по его документам устроился работать охранником.

– А кто его рекомендовал?

– А никто. Просто сам пришел, и все. И его взяли. А что – работа не бог весть какая, молодые парни в основном работают, которые еще ничего в жизни не достигли. Зарплата – две тысячи рублей. В общем, ничего особенного. Блата в этой сфере нет.

– Понятно, значит, об этом так называемом Воронкове никто ничего сказать не может.

– Нет, не может, – подтвердил Карташов.

– Значит, некто устроился на работу специально, для того чтобы совершить наемное убийство. Во время конференции.

– Да. Вы, Лариса Викторовна, рассуждаете абсолютно верно.

– И это означает, что убийцу найти не представляется возможным. А тем более – найти заказчика преступления.

– Фоторобот киллера-то составили. А вот заказчик – это действительно проблема. Вопрос еще в том, кого хотели грохнуть. Ведь не всех же сразу!

– В этом, пожалуй, сейчас главная проблема. Кстати, а кого убили первым?

– Там не очень понятно. Эксперты так и не пришли к однозначному выводу. Выстрелы были произведены один за другим. Практически секунда разделила их – или сначала американку, потом нашего, или наоборот. Хотя для нашего начальства сейчас ясно, что грохнуть хотели американку. Потому что эта версия наиболее острая. Губернатор лично звонил, грозился головы посшибать, если не найдем, кто виноват. Не хватало еще ему, бедняге, международных осложнений.

– И поэтому ты обратился ко мне.

– Я думаю, что твое участие в этом деле не помешает, – серьезно сказал Карташов. – Только, конечно, будь осторожна.

– Я еще не сказала, что буду всем этим заниматься, – ответила Лариса.

– Твоего мужа ведь ранили!

– Скорее всего произошло это по ошибке, и состояние его не внушает беспокойства, хотя... – Лариса помедлила. – Преступление дерзкое и запутанное. Интересное для меня.

– Ну так вот...

– Кроме тех данных, что ты сообщил, больше ничего не можешь сказать? – Лариса цепко посмотрела на Карташова. – Хотя бы насчет этого Парамонова. Ведь его выкинули из окна уже после того, как поднялась стрельба. Спустя несколько часов. Ты что, думаешь, это сделал тот же киллер, псевдо-Воронков?

Карташов пожал плечами.

– Скорее всего нет.

– Значит, киллер промахнулся и убил не тех? А хотели Парамонова?

– Не знаю, Лариса, не знаю. Иначе и не обращался бы к тебе.

– Хорошо, я попробую заняться всем этим, но успех не гарантирую.

– У тебя, по-моему, ни одного провального дела еще не было.

– Не было. Но тут...

Лариса, в общем-то, кокетничала. Она, конечно же, займется этим делом, и не потому, что ранили ее мужа, а потом заподозрили его в убийстве. Просто действительно дело казалось сложным. И тем больше задевало ее самолюбие.

После разговора с Карташовым она села в своем кабинете и написала на чистом листке бумаги три фамилии: Симпсон, Ростовцев и Парамонов. Кого из них хотели убить? По идее, Парамонова, поскольку убили его позже всех, не сумев попасть из винтовки. Это вполне логично. Но отрицать другие версии Лариса не стала. И начать свое расследование решила все-таки с американки Симпсон.

* * *

Облегчало задачу Ларисе то обстоятельство, что она очень хорошо была знакома с Николаем Ястребовым, который ведал так неудачно прошедшей конференцией. Одно время Ястребов был тесно связан на ниве бизнеса как с ней, так и с Евгением. Однако, когда она позвонила ему в офис, он воспринял звонок весьма раздраженно.

– Лариса Викторовна? Котова? – спросил он. – Если вы насчет происшествия в пансионате, то не сейчас. Сейчас полно дел.

– Ну, хорошо, а когда можно подойти поговорить? – примиряющим тоном спросила Лариса.

– Лучше всего завтра.

– Но...

– А что, вы решили заняться этим в приватном порядке? – Интонация Ястребова не оставляла сомнений в том, что это ему не очень нравится.

– Вообще-то это в немалой степени касается моего мужа, – Лариса сдерживала себя, чтобы не ответить резко и не испортить отношения с Ястребовым, хотя уже чувствовала, что начинает заводиться.

В этот момент на том конце провода раздался какой-то треск, и вклинился резкий и настойчивый голос:

– Николай, это же очень важно! Это частный детектив?

– Ну, – недовольно ответил Ястребов в сторону и тут же извинился перед Ларисой: – Тут с вами хотят поговорить... В общем...

Тот же резкий голос быстро заговорил:

– Пускай приезжает прямо сейчас!

– В общем, Лариса Викторовна, у меня здесь московский журналист, он хочет с вами перебеседовать, – закончил фразу Ястребов.

Лариса не стала долго раздумывать, положила трубку и быстренько собралась в дорогу. Через полчаса ее «Вольво» припарковался у одного из двухэтажных старых особнячков в центре города, где размещался офис регионального представительства движения «Яблоко» в Тарасове.

Рядом с белоснежным, отутюженным Ястребовым за столом сидел маленький коренастый бородатый человек в очень демократическом одеянии, резко контрастирующем с официозным прикидом хозяина кабинета. Бородач, по виду лет тридцати, был одет в летнюю майку не первой свежести, джинсы и кроссовки. Лариса отметила, что все вещи тем не менее были фирменными. На руке у незнакомца были дорогие часы, а прямо перед ним лежала пачка легких «Мальборо». Как только Лариса вошла в кабинет, он тут же вскочил и бросился навстречу ей.

– Александр Вампилов, – без лишних преамбул представился бородач и вручил визитку.

На ней было написано, что Вампилов работал в секторе региональных исследований Центра гуманитарно-политического мониторинга города Москвы.

– Котова Лариса Викторовна, – в ответ представилась Лариса.

– Очень приятно, вы – частный детектив? – быстро спросил Вампилов, не давая Ястребову вставить свое слово.

– Я – любительский частный детектив, – уточнила Котова.

– Можно не скромничать, мне уже рассказали про ваши успехи. Дело в том, что это дело для меня носит некоторый личный оттенок. Одна из жертв была моим близким другом. Я очень заинтересован в раскрытии этого преступления, – темп речи Вампилова походил на скороговорку. – Если вы возьметесь, это будет лучше всего, потому что милиция – все это несерьезно. Они...

– Подождите, – Лариса остановила жестом словоизлияния Вампилова. – Давайте по порядку.

– Вы присаживайтесь, – в свою очередь не растерялся Вампилов, выдвинул стул и придвинул к Ларисе сигареты. – Курите...

Создавалось впечатление, что не Ястребов является хозяином кабинета, а Вампилов. Причем Ястребов, не страдающий особой стеснительностью и апатичностью, в данной ситуации не мог вставить ни слова: для этого просто не оставалось времени – Вампилов цепким коршуном завладел вниманием Ларисы. Он вперил в нее свой взгляд, и Котовой показалось даже, что этот человек обладает каким-то нездоровым магнетизмом. Последующий разговор навел ее на мысль, что более соответствующей ему была бы фамилия «Вампиров». Как только они присели за стол, московский журналист начал быстро излагать свои мысли по поводу происшедшего.

– Элис убили первой, а этого бизнесмена, забыл его фамилию, после, – скороговоркой произносил Вампилов. – Потом еще выкинули из окна чиновника. Эти два убийства – лишь для отвода глаз. Если вам кажется это абсурдным, то это только на первый взгляд. Вы займетесь этим делом, и поймете, что я прав. Для меня отношения с Элис очень много значили. Я могу вам рассказать многое, что вам будет полезно для вашей работы. Я расскажу вам...

– Но почему вы считаете, что мишенью была Элис? – перебив Вампилова, спросила Лариса.

– Потому что ее убили первой. Киллер там был довольно профессиональный. Николай, – Вампилов небрежно кивнул в сторону функционера местного «Яблока», – узнал кое-что по своим каналам в ментуре. Ему сказали, что киллер – профессионал. Вы покажите мне профессионала, который не попадает с первого раза? Не покажете? Вот так...

– Но зачем нужно было выкидывать из окна Парамонова? – Ларису начинал занимать этот полемический разговор. – Не кажется ли вам, что вы слишком возбуждены смертью подруги и не принимаете другие жертвы всерьез?

– Нет, нет! – раздраженно отмахнулся Вампилов. – Все эти Парамоновы и этот...

– Ростовцев, – подсказал фамилию третьей жертвы Ястребов.

– Да-да, Ростовцев... Так вот, смерть этих людей никому не нужна. Это мелкие сошки. Заметив скептическое выражение на лице Ларисы, Вампилов тут же объяснил:

– Для вас, возможно, они что-то представляют. Для вас, в Тарасове. Но тут масштаб другой, поймите! Преступление серьезное. Поэтому я настаиваю на том, что преступление было направлено против Элис. Остальные выстрелы и выкидыш из окна – для отвода глаз.

– Ваши аргументы? – коротко спросила Лариса, поняв, что дискутировать с Вампиловым бесполезно.

– Пожалуйста, – с готовностью ответил москвич. – Может быть две версии. Одна – террористическая, политическая. Другая – бытовая. В первой версии, к сожалению, вам, наверное, делать нечего. Потому что очень опасно.

– Почему?

– А я вам объясню! Если это все делалось с какими-то политическими целями, то здесь задействованы мощные организации, против которых частный детектив слаб. У нас не Голливуд, у нас – Тарасов на Волге.

– Кому нужна была смерть Элис?

– Левым, правым, анархистам, антиглобалистам, кому угодно! – воскликнул Вампилов. – Вы посмотрите, какие сейчас времена! Америка – уже не наш друг номер один, и это убийство, про которое сейчас говорят в самом начале новостных выпусков в США, может омрачить отношения с Россией. Это же неслыханно! Одно дело – обворовать негра-баскетболиста, приехавшего играть за ваш клуб за средненькую по американским меркам зарплату, другое дело – убить представителя крупнейшего фонда, которая прибыла в провинцию для развития демократических институтов.

– Кто же, по-вашему, стоит за этим всем? Давайте покончим с политической версией, скажите прямо, на кого вы думаете!

– Спецслужбы, – коротко ответил журналист. – Причем это могут быть как наши, так и американцы. Там тоже много всяких грязных дел делается. Конференция, кстати, на другой день закончилась без принятия каких-либо решений, – поднял палец вверх Вампилов. – Никаких грантов фонд выделять не будет. Российский бизнес, несмотря на красивые слова, показал, насколько он коррумпирован и криминализирован.

– Другими словами, убийцы хотели сорвать планы американцев?

– Совершенно верно, – мгновенно согласился Вампилов. – И губернатора вашего тоже выставить идиотом, кстати... Вот вам и еще один политический подтекст. Так что ищите...

– Направления поиска, если опираться на ваши слова, безграничны.

– А тут есть и еще одна версия, – Вампилов перед этой фразой выдержал паузу, чем удивил Ларису.

– Какая же? Бытовая? – Лариса чуть усмехнулась.

– Да, – Вампилов неожиданно погрузился и опустил голову. – Но она может смыкаться и с политической.

– Это как?

– А я вам объясню, – поднял брови московский журналист. – У Элис был муж, Мозес Шварц. Могу вам сразу сказать, что, во-первых, он шизофреник, во-вторых, еврей, – Вампилов скопил многозначительный взгляд в сторону Ларисы, – а в-третьих, он яро ненавидит русских.

– То есть он еще и параноик? – решил уточнить Ястребов, который до сих пор просто присутствовал при беседе, выполняя роль статиста.

– Может быть, – не поворачивая головы к Ястребову, сказал Вампилов. – Во всяком случае, ревнивец он редкостный. Очень не похож на демократичного американца. Впрочем, янки – они туповаты. Только говорят о том, что они все такие умные, а на самом деле... Это не относилось к Элис. – Александр тяжело вздохнул и закурил еще одну сигарету.

Красиво выпустив в потолок дым, он продолжил:

– Кстати, забыл еще упомянуть, что этот Мозес – еще, кажется, и педик. Скрытый...

– Какое это имеет отношение к делу? – скривилась Лариса.

– Может быть, и никакого. Гораздо важнее, что Мозес угрожал ей на протяжении последнего времени много раз. Я же говорил, что он – ненормальный, но одновременно и очень опасный.

– И вы думаете, что этот самый Мозес нанял киллера в России, чтобы убить свою бывшую жену?

– Вполне правдоподобно, – несколько не смутившись скепсисом Ларисы, отреагировал Вампилов. – Никто бы не подумал.

– Кроме вас...

– Ну не хотите принимать эту версию – не надо, – обиделся Александр.

– Нет, почему же. Вы рассказывайте. Все, что вы говорите – очень интересно, – успокоила его Лариса.

– В таком случае слушайте!

И Лариса слышала красочную историю взаимоотношений Элис Симпсон с Мозесом Шварцем, в которые злым гением потом вклинился русский Дон Жуан по имени Александр Вампилов.

* * *

Мозес Шварц был тридцатипятилетним владельцем радиостанции. Его отец имел богатые связи в еврейской общине Нью-Йорка и в Израиле. Он занимался обустройством евреев, прибывающих из Израиля в Штаты. И состояние его в основном базировалось на деньгах тех евреев, которые не желали служить идеям процветания Земли обетованной и пытались устроить свою обеспеченную жизнь в более спокойных и богатых Соединенных Штатах. Среди них, кстати, было много выходцев из России, которые свою эмиграцию в Израиль рассматривали только как этап на пути к внедрению в самое прогрессивное и богатое общество планеты. А именно – американское.

Старик Элиаху Шварц, увешанный пейсами, «растусовывал» своих соплеменников, подыскивал для них подходящую работу в Америке, улаживал дела с эмиграционной службой. Порой его действия были не совсем законны, но благодаря национальной проницательности и изворотливости никаких проблем с ФБР и полицией он не имел. Его сын Мозес придерживался правых взглядов и с молодости был убежден, что Советский Союз является империей зла. Свою недоверчивость к СССР Мозес перенес и на русских в целом. Ко всему прочему, он знал, что в России недолюбливают евреев, а отдельные «продвинутые» доморожденные антропологи с маниакальной подозрительностью вглядываются в лица людей с русскими фамилиями и, обнаружив малейший намек на семитские черты, делают однозначный вывод – «еврей». А Мозес Шварц любил свою национальность. Он был уверен в богоизбранности нации.

Единственный прокол в его ортодоксальном подходе к жизни случился в сфере личных отношений. Он влюбился в чисто англосаксонскую девушку Элис Симпсон, хотя ему надлежало искать свою избранницу в «своей» общине, посещать по субботам синагогу и слушать разглагольствования раввина.

Но Элис, не обладавшая, кстати, по мнению мамы Мозеса, ни красотой, ни особым умом и, главное, не бывшая иудейкой, почему-то приворожила владельца радиостанции. И он пошел – неслыханное дело! – на брак с ней. Но Элис, бывшая по своему характеру несколько легкомысленной девицей, скоро начала понимать, что ее раздражает консерватизм мужа. Ко всему прочему, она по роду своей работы много разъезжала по миру, а это не способствовало прочности семьи.

А когда талантливая русистка влюбилась в несколько экстравагантного московского журналиста Вампилова, браку с Мозесом пришел конец. Элис прибыла из России в приподнятом настроении, счастливая, и первое, на что наткнулся ее взгляд на родине, было недовольное лицо Мозеса. Его в очередной раз против Элис накрутила любимая мама. Элис терпеть не могла этой семейственности, когда старшие родители вмешиваются в дела взрослых детей. Собственно, в большинстве американских семей такого не было. Но семья Шварц была не совсем американской – а евреи любят оглядываться на мнение своей мамочки.

Элис вспыхнула как спичка и заявила мужу, что встретила мужчину своей мечты.

– В России? – поигрывая желваками на скулах, спросил Мозес.

– Да, в России. Он русский и с удовольствием ест гамбургеры со свининой, – уколола Элис мужа, который был вегетарианцем.

После этого признания разразился жуткий скандал, который не имел ничего общего со знаменитой американской политкорректностью. Было разбито много посуды, телефонный аппарат и несколько бутылок из бара. Несдержанность Мозеса поразила Элис. После того, как скандал немного угас, муж признался Элис, что чувствует явное ухудшение своего психиче-

ского здоровья. Он весь дрожал от негодования и на следующий день запил, что ранее у него не наблюдалось.

Жизнь, однако, продолжала идти своим чередом. Элис снова поехала в Россию на несколько месяцев. В Москве она сожительствовала с Вампиловым, чего не скрывала от своего мужа. А тот вынужден был обратиться к психотерапевту. Однако навязчивая идея не проходила. Мозес вскоре пробил бизнес-тур в Россию и отправился на разговор с соперником.

Вампилов ему совершенно не понравился. Колкие, ехидные реплики по поводу американцев привели Мозеса в состояние повышенной возбужденности. Встречи было всего две, и обе происходили по инициативе Мозеса. Он хотел лично посмотреть на чудо, которое овладело мыслями и душой его жены, и был крайне разочарован: в Вампилове он не обнаружил ни грана подобострастности и зависти по отношению к нему, более богатому и преуспевающему американцу. Мало того, этот выскочка осмеливался поучать Мозеса и критиковать его воззрения. Шварц покидал Москву крайне недовольным и озадаченным.

– Ты – самая тупая дура, которую я видел в этой жизни! – заявил Мозес своей уже бывшей жене, отправляясь назад в Америку.

Элис пожала плечами. Ей было нечего сказать человеку, в котором она совершенно разочаровалась. А Мозес полетел через океан, обдумывая планы мести своей неверной возлюбленной. Он ничего не мог поделать с овладевшей им ревностью.

* * *

– Ну, хорошо, все понятно, но все же попытки обвинить Мозеса в причастности к смерти Элис выглядят натянутыми, – после паузы, образовавшейся после рассказа Вампилова, сказала Лариса.

– Я же вам говорю, что этот человек психически ненормален.

– Будь он трижды ненормален, все это сомнительно. Кого он мог нанять в Америке для убийства своей жены на другом конце света?

– У него есть связи в России. И не исключаю, что связи эти криминальные. Он был здесь два раза, – упрямо повторил Александр. – И, кстати, собирается в Москву через неделю. Не знаю, правда, поедет ли сейчас или нет. Я имею в виду – после этих всех событий... Если виноват – значит, не прилетит. Или, наоборот... В общем, это уже ваша прерогатива. Все, что знал, я рассказал вам.

– По идее, если он такой ревнивец, логичнее было предположить, что он будет покушаться на вас, – заметила Лариса.

– А он пытался. Он пытался, – повторил Вампилов, видимо, для пущей убедительности. – Каких-то отмороzków нашел, и сразу после его отъезда из Москвы в прошлом году на меня наехали.

– Как это произошло?

– Встретили около подъезда. Не учли только, что вышел мой сосед – он работает в ФСБ, – так он выхватил пистолет, и они разбежались.

– Неужели никого не задержали?

– Убежали, – вздохнул Вампилов.

– А вы уверены, что то происшествие – его рук дело?

– А кого же?

– Возможно, какие-нибудь политические дела. У нас же принято нападать на неугодных журналистов. А вы, надо понимать, именно из таких...

– Да, до сих пор шутят, что Вампилов – вечный оппозиционер. Может находиться в оппозиции даже к стулу, – насмешливо подал реплику Ястребов.

– А ты, Николай – вечный оппортунист, – похоже, самолюбивый Вампилов снова обиделся.

– Ну, господа, вы можете продолжать свой идеологический спор и без меня. – Лариса поднялась со стула и собралась уходить.

– Так вот, – остановил ее жестом Вампилов. – То происшествие осталось нераскрытым. Но это, оказывается, были цветочки. А ягодки выросли сейчас...

– Спасибо вам за информацию, – сказала Лариса. – А вы надолго в Тарасов?

– Сегодня вечером отбываю в Москву, – вздохнул Вампилов. – Я приехал только для того, чтобы узнать, как продвигается расследование, и в случае каких-то ступоров со стороны милиции содействовать гласности происшедшего через центральную прессу.

– И что же, на ваш взгляд, милиция энергична?

– Энергична, как быки в брачный период, – сострил неожиданно журналист. – Я же уже говорил, что они найдут кого угодно, чтобы засадить и отчитаться. А вам я желаю успеха в разработке всех версий, – сказал Вампилов. – Но в Москву вам лучше наведаться. О приезде или неприезде Мозеса Шварца я вам сообщу.

– Почему бы вам не познакомить с вашими предположениями и милицию? – спросила Лариса.

Вампилов вытаращил на нее непонимающие глаза.

– Провинциальной милиции? – уточнил он вызывающе. – Благодарю покорно! Они же не будут этим заниматься! Я уверен, что это дело только для частного детектива. Менты или вообще запутаются в деле из-за своей непроходимой тупости, или посадят кого-нибудь первого подвернувшегося. А против американца руку поднять не отважится, может быть, даже ФСБ. Кстати, Николай, они подключились к делу?

– Да, но толку мало, – вяло ответил Ястребов. – Руководство заявляет, что через неделю всех найдут и посадят.

– Найдут. И посадят, – сразу же согласился Вампилов и упрямо повторил: – Только не того, кого нужно. Посадят, кого нужно им.

Последнее слово он произнес, особо акцентируя на нем. А Лариса, уходя из офиса «Яблока», внутренне не согласилась с Вампиловым. Поскольку разобраться в деле и помочь посадить именно того, кто действительно виноват, становилось делом ее чести. Позади было слишком много криминальных историй и ее успехов в распутывании сложных дел, чтобы Котова не стала этим заниматься только потому, что никто ей в этом случае не платит за работу. Она любила выигрывать всегда и быть первой. А это дело было именно из тех, которое может проверить ее на соответствие своим жизненным принципам.

Глава 4

После разговора с возбужденным «вечным оппозиционером» Вампиловым Лариса посмотрела на часы и пришла к выводу, что еще успеет в этот день заняться и другими версиями дела. Следующим в списке Котовой, которая решила действовать методично и спокойно, стоял бизнесмен Игорь Ростовцев. Он был убит вторым выстрелом неизвестного киллера, через секунду после Элис Симпсон.

Посещение главного супермаркета «Планета» в центре города мало что прояснило. Заместитель Ростовцева, некто Михаил Полубейцев, принял Ларису довольно радушно, но узнав о цели визита, только пожал плечами, сохраняя приличествующий случаю траурный вид.

– Мы все ломаем голову, кому это было надо, – сказал он. – У нас нет никаких проблем ни с криминалом, ни с властями и вообще ни с кем. Конкуренты, конечно, есть, но они здесь ни при чем. Я и в милиции так сказал.

– А личные дела?

– Там тоже вы ничего не найдете, – убежденно заявил Полубейцев. – Хотя попробовать, конечно, можно. К жене съездите, адрес я вам дам. Но мы думаем, что не в Ростовцеве дело. Американку, наверное, хотели убить – не знаю уж, правда, зачем. Может, политика какая замешана. Мы все убеждены, что это случайность. Парамонова, может, грохнуть хотели, а может, и американку. А Игорь – он никому был не нужен. В смысле, его смерть никому не была нужна, – поспешно поправился он.

Ларисе ничего не оставалось, как взять предложенный адрес жены Ростовцева, Инги, и удалиться. Полубейцев предлагал еще съездить к матери Игоря, но, сочтя это лишним, Лариса от адреса отказалась.

Дом, в котором жила вдова Игоря Ростовцева, представлял собой новую кирпичную девятиэтажку, выстроенную недавно в западных традициях. Квартиры в ней, естественно, были самой улучшенной планировки и очень дорогие. Однако домофона в доме не оказалось, вместо него на металлической двери красовался просто кодовый замок. Лариса не стала методом тыка пытаться набрать нужный номер, а отошла чуть в сторонку – возле дома остановился автомобиль, из которого вышел высокий мужчина в легком дорогом костюме спортивного покроя. Он уверенно двинулся к подъезду, набрал код и распахнул дверь. Лариса спокойно прошла следом: ее внешний вид не позволил мужчине заподозрить, что она пришла сюда с какими-то дурными намерениями. Поднявшись в лифте на седьмой этаж, Лариса позвонила в нужную дверь. Через некоторое время хриловатый низкий голос спросил:

– Кто там?

– Могу я видеть Ингу Ростовцеву? – спросила в ответ Лариса.

Дверь приоткрылась, но не до конца – она была на цепочке. В образовавшемся прогале Лариса увидела высокую худую женщину с узким лицом, резкими чертами и большим ртом.

– Вы кто? – спросила она, в упор глядя на Ларису глубокими черными глазами.

– Моя фамилия Котова, я директор ресторана «Чайка», – представилась Лариса. – А зовут меня Лариса Викторовна. Дело в том, что мой муж тоже бизнесмен, и он присутствовал на конференции, так же как и ваш. Более того, в тот самый момент, когда прозвучали выстрелы, он находился рядом.

– Ну и что? – неприязненно спросила Инга. Дверь до конца она так и не открыла и не приглашала Ларису войти.

– Вы, наверное, слышали, что в тот вечер погиб еще один человек, присутствовавший на конференции, – Виталий Парамонов?

– Ну и что? – снова спросила Инга.

– Дело в том, что я выясняю обстоятельства этого дела, потому что это так или иначе связано с моим мужем.

– Ну и выясняйте, я-то тут при чем? – пожала узкими плечами Инга.

– Я хотела бы попросить вас о помощи, чтобы вы рассказали мне о своем муже, о его делах, – не смутилась Лариса от такого, мягко говоря, холодного приема. – Ведь вы жена и лучше других должны его знать. Мне бы это очень помогло разобраться, ведь вы наверняка тоже заинтересованы в том, чтобы убийца вашего мужа был найден? Мы могли бы стать союзниками.

– Расследованием занимается милиция, – четко проговорила Инга. – И я не понимаю, для чего в него лезете вы? Вы же, кажется, директор ресторана.

– О, это долго объяснять, но я могла бы рассказать, если вам интересно, – сказала Лариса в надежде, что Инга все-таки пригласит ее войти, а уж там она постарается построить разговор так, чтобы вывести ее на откровенность. Но взгляд Инги не смягчился ни на йоту.

– Я не стану с вами разговаривать, – проговорила она, и голос ее стал еще более хриплым. – С какой стати? Мне вам нечего сказать, тем более что я вас не знаю и не доверяю вам. Проходимцев сейчас хватает. Ишь, какая добренькая нашлась – убийцу мужа она мне найдет! Да кто ты такая?

Лицо Инги постепенно начало стервенеть, и она на глазах превращалась в базарную хабалку.

– Я уже сказала, – стараясь держаться спокойно, ответила Лариса. – Вы можете проверить.

– Ничего я проверять не стану. И уходите отсюда, все равно ничего не скажу!

И, уже не сдерживаясь, прокричала вслед Ларисе:

– Убирайтесь вон отсюда! Человека похоронить не успели, а вы лезете! А то сейчас милицию вызову!

И она с силой захлопнула дверь. Лариса, не ожидавшая подобного приема и ошарашенная им, медленно стала спускаться по лестнице вниз...

На улице она села в свою машину, отъехала подальше и закурила. Жаль, конечно, что так получилось с женой Ростовцева, но в конце концов это не смертельно, у него еще есть мать, может быть, она окажется более разговорчивой? Зря Лариса не взяла ее адрес, придется теперь снова звонить в «Планету».

Лариса достала сотовый телефон. Трубку взял Полубейцев.

– Я опрометчиво отказалась от адреса матери Игоря Сергеевича и теперь очень прошу вас сообщить его мне, – проговорила Лариса.

– Что, к Инге зря съездили? – спросил он.

– Да, разговора не получилось.

– Я так и предполагал, – вздохнул Полубейцев. – Но не отчаивайтесь, она все равно вряд ли могла сказать что-то полезное. Записывайте адрес Ольги Константиновны, думаю, что она с вами побеседует с удовольствием.

Ольга Константиновна жила в пяти минутах езды от апартаментов своего сына, правда, ее дом был не таким шикарным – обычная панельная девятиэтажка. Лариса остановила машину у подъезда и, поднявшись на третий этаж, позвонила в дверь. На этот раз дверь открылась без вопроса «кто там», и Лариса увидела пожилую полную женщину с красными заплаканными глазами. Она была одета в простой домашний халат с крупными цветами, стоптанные тапочки, короткие волосы с химической завивкой почти все были седыми.

– Здравствуйте, вы Ольга Константиновна? – спросила Лариса.

– Да, я, – тихо ответила женщина. – А...

Она не закончила вопрос, и Лариса сама торопливо проговорила:

– Я Лариса Котова, директор ресторана «Чайка». Мой муж, как и ваш сын, занимается бизнесом, он был рядом с ним в тот момент, когда...

– Господи! – женщина судорожно всхлипнула. – Да что же это такое? Вот горе-то... И вы такая молодая, чуть постарше Игоря моего, наверное. Да за что же это? И ваш муж тоже погиб?

– Нет, – ответила Лариса, ощущая какую-то неловкость, словно она была виновата, что ее муж не погиб и что горе обошло ее стороной, а вот эту женщину нет. И тихо добавила: – Его ранили...

– А-а, – кивнула женщина, вытирая слезы. – Ну, слава богу, обошлось. Хоть кому-то повезло. Да вы проходите, проходите, что ж я вас на пороге держу?

Лариса разулась в прихожей и прошла за женщиной в кухню. Ольга Константиновна не плакала, но Лариса видела, что она держится из последних сил и в любой момент может разрыдаться снова. Ларисе было очень неприятно от осознания того, что сейчас ей придется бередить рану этой женщины, заставляя говорить о том, что причинит ей боль, но она успокаивала себя тем, что сделать это необходимо для ее же блага. Пусть сына ей никто не вернет, но хотя бы виновник его смерти будет наказан.

Ольга Константиновна, видимо, интуитивно почувствовала, что ей сейчас придется много говорить о сыне, и старалась оттянуть этот момент.

– Хотите холодного квасу? – обратилась она к Ларисе. – Домашний, сама настаиваю. А то жара-то вон какая.

– Не откажусь, – Лариса чуть улыбнулась, и Ольга Константиновна налила ей большой стакан квасу из трехлитровой банки.

Квас действительно был замечательным на вкус и прекрасно утолял жажду. Ольга Константиновна присела за стол напротив Ларисы и молча перебирала в пальцах поясок халата. Потом спросила, подняв на Ларису усталые глаза:

– Вы, наверное, что-то хотели от меня? Не просто же так пришли...

– Я хочу всего лишь поговорить, – ответила Лариса. – Я уже сказала, что мой муж оказался участником этой... трагедии. Словом, не буду вдаваться в подробности, но я провожу так называемое частное расследование. То есть ищу того, кто устроил стрельбу в зале. И мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о своем сыне. Возможно, это поможет узнать, кто желал ему зла.

– Да за что же ему было зла-то желать? – вздохнула Ольга Константиновна. – Он добрый был, ни с кем не ссорился никогда. Такой мальчик рос тихий, ласковый. И когда деньги у него появились, таким и остался. Я даже переживала поначалу, мы ж никогда богато не жили – муж мой давно умер, я Игорька сама воспитывала, на двух работах работала, чтобы прокормить. Хотела, чтоб учился он, не шалопаем каким вырос. Удалось, слава богу, голова-то у него умная была, деньги стал зарабатывать. Я ему еще говорила, мол, Игорек, деньги-то людей портят, хорошо, конечно, что ты на ноги становишься, да только не забывай, как сам раньше жил. А он мне – что ты, мама, как я могу? Ты ж меня сама так воспитала. И верно – никто на него пожаловаться не мог. Всем друзьям помогал, на работу к себе брал. И в школе с кем учился, и институтских приятелей не забывал. Даже Мишку Полубейцева пристроил на хорошее место, а то тот после тюрьмы нигде пристроиться не мог. Мишка – это друг его с детства, – пояснила Ольга Константиновна, заметив вопросительный Ларисин взгляд.

Лариса спокойно слушала, понимая, что женщина будет выговариваться долго, вспоминать разные случаи из жизни своего сына, какие-то одной ей интересные подробности, но не перебивала.

«Пусть выговорится, – думала она. – Пусть рассказывает о том, что мне никогда не пригодится, может быть, пусть вспоминает своего сына и заново проживает с ним его жизнь».

– ...В одном дворе росли, – продолжала тем временем Ольга Константиновна, – и еще мальчик с ними дружил, Костя, он умер, правда, лет семь назад, а Мишку-то вот посадили, что-то он там украл... А Игорек вот его не забыл, не отвернулся, как некоторые, когда он

из тюрьмы вернулся. Всем помогал, даже Костиным родителям как-то денег дал, у него мать болеть стала сильно, как сын умер...

– То есть вы хотите сказать, что в быту ваш сын ни с кем не конфликтовал? – терпеливо спросила Лариса.

– Нет-нет, что вы! Ничего такого.

– А помимо частной жизни? Он случайно не делился с вами какими-нибудь проблемами, неприятностями?

– Да он всегда веселый приезжал, не жаловался, нет. На что ему жаловаться? Вот с женой, правда, не повезло ему, ну да я в их дела не лезла, люди взрослые, сами должны были разобраться, – отчаянно махнула рукой мать Ростовцева.

– Я сегодня пыталась поговорить с его женой, – сказала Лариса, – но она наотрез отказалась от разговора, вела себя крайне недружелюбно. Вы не знаете, чем вызвана такая агрессия?

– Да наплевать ей было на него! Потому и говорить не захотела с вами, ей все равно – найдут убийцу или нет. Ей же только деньги от него были нужны! – Ольга Константиновна перестала сдерживаться и перешла почти на крик: – Они и жили-то как? Каждый сам по себе! Я удивляюсь, что за женщина – ни дети ей не нужны, ни порядок в доме...

– А у них есть дети?

– Нет. Я даже не знаю, как так можно? Не работает нигде, все только по салонам своим ходит, каждый день в новый цвет красится! Обед приготовить не может. Хоть бы ребенка родила – и то не хочет. Ленивая баба, больше и сказать нечего.

– Но ваш сын, наверное, любил ее, если женился?

– Не знаю, – подумав, покачала головой Ольга Константиновна, – они вообще-то из одной компании, с детства знакомы. Но мне Инга никогда не нравилась. Всегда была избалованная, мать у ней всю жизнь в торговле работала, так она ни в чем не нуждалась. Белоручкой выросла. Но за ней-то больше Костя ухаживал, а когда он умер, неожиданно Игорь стал с ней гулять. Я еще говорила ему, зачем она тебе? И внешне ничего особенного, и неумеха, а уж характер!.. – Ольга Константиновна махнула рукой.

– Но поначалу-то они хорошо жили?

– Да нет, они сразу ссориться начали, Игорь и дома-то редко появлялся. А ей наплевать! То друзей своих наприглашает полон дом, то сама с ними усвистит куда-нибудь, одним словом, легкомысленная бабочка. Господи, чем уж она могла ему нравиться?

– А она всегда ему нравилась?

Ольга Константиновна вздохнула.

– Да нравилась, чего уж там. Но она на него внимания не обращала, я и не переживала поэтому. К тому же Костя у нее был, Игорь не стал бы невесту у друга уводить. Хотя, если честно, я уверена, что за Костю она никогда бы не вышла.

– Почему? – спросила Лариса только для того, чтобы лучше узнать характер Инги. Давно умерший Костя ее не интересовал.

– Так он же из простой семьи, из бедной. Мать у него хоть и труженица была, да денег мало получала, уборщицей работала. А отец... – Ольга Константиновна горестно махнула рукой, помолчала и продолжила: – Отец-то пьет у него. И раньше пил. А Инге совсем другое подавай, стала бы она с ними в развалюхе жить, как же! Она и за Игорьку не вышла бы ни за что, если б он не стал деньги зарабатывать.

– А кто становится владельцем имущества вашего сына? Я хочу сказать, кому достанется его квартира, машина, деньги? – пояснила Лариса.

– Квартира, понятное дело, Инге, и машина тоже. А деньги, как выяснилось, он мне завещал, у него счет был в банке. Я-то и не знала никогда, сколько у него денег, и не заговаривала об этом даже, а после гибели его думала, что все теперь будет Ингино. Она-то первым делом к нотариусу помчалась, чтобы, значит, завешание вскрыли. Думала, теперь все ей достанется.

А как узнала, что он деньги мне завещал, так аж лицо у ней перекошилось. Господи! Да разве мне деньги нужны? Мне после смерти Игоря ничего не нужно, – слезы снова хлынули из глаз женщины.

– Ольга Константиновна, – Лариса решила перевести разговор на другую тему, – скажите, вы видели Игоря в тот день, когда он поехал на конференцию?

– Да, он заезжал ко мне днем. Я его обедом накормила, дома-то у них вечно есть нечего. И он сказал, что поедет на какую-то деловую конференцию, я не очень в этом разбираюсь...

– А каким он выглядел? Не нервничал, не хмурился?

– Нет-нет! На жару только пожаловался, сказал, что неохота в такой духоте по несколько часов в зале высиживать, и все. Шутил даже, смеялся. Мне и в голову не могло прийти, что такое может случиться! Предупреждали люди, что бизнесы эти до добра не доведут, да я все гнала от себя мысли дурные. Вот и пожалуйста!

– А какие люди вас предупреждали? – спросила Лариса.

– А? Да мало ли... – Ольга Константиновна замялась. – Это уж я так, к слову, да и не предупреждали, а просто рассказывали всякие страсти, которые с бизнесменами-то случаются. Кто рассказывал? Да соседки в основном, женщины знакомые...

– Понятно, – кивнула Лариса. Сплетни завистливых соседок и знакомых ее не интересовали. – То есть если и были у вашего сына какие-то неприятности, то вам об этом ничего не известно?

– Ничего. Насколько я знаю, не было у него неприятностей. Если по делам что, так вам лучше поговорить с теми, с кем он работал. А к Инге даже не ездите больше, она теперь упрется и назло ничего не скажет, уж я ее знаю. Да он и не делился с ней ничем, а она не интересовалась. Я бы рада вам помочь, неужто мне не хочется узнать, кто сына убил, да только важного-то мне и сказать нечего. Если бы знала что, разве бы стала молчать? Мать-то не жена, всегда за сына переживает. Хотя, конечно, жены тоже разные бывают... – поправила Ольга Константиновна, но Лариса уже почти не слушала ее. Ей пора было уходить.

Поблагодарив женщину, она вышла на улицу и села в машину. Конечно, разговор с Ольгой Константиновной нельзя было считать пустым, но только в том смысле, что он подтверждал Ларисину уверенность, что Ростовцева убили по причине, не связанной с его бизнесом. Если все-таки допустить, что убийство это неслучайное и метили именно в Ростовцева, то первой кандидатурой на роль заказчика является его жена. Но бытовой мотив и винтовка с оптическим прицелом?! Все это как-то не вяжется.

У Инги, естественно, алиби на момент убийства, это естественно и даже проверять не стоит, время только тратить. Но могла ли она быть заказчицей? Во-первых, убивать мужа только из-за квартиры и машины... Как бы плохо они ни жили с Игорем, но он ее обеспечивал, она ни в чем себе не отказывала. Зачем же добровольно лишать себя этого?

Любовник, к которому хотела уйти от мужа, и боялась, что в случае развода не получит вообще ничего? И наняла киллера? Но зачем в таком случае было убивать еще двоих? Ведь за тройное убийство и платить нужно втрое, да и опять же оптический прицел... Нет, Ингу, пожалуй, следует исключить из числа подозреваемых.

Но что это означает? Опять тупик? Кого же из них хотели убрать, черт побери? Или все-таки всех троих? Но что их могло объединять? Ведь уже проверено много раз – нет связи!

Голова шла кругом, и Лариса решила проехать к себе в ресторан выпить крепкого кофе.

Первое, что она услышала, войдя в дверь, это какие-то дикие крики. По характерным каркающим звукам и знакомым ей устоявшимся фразам Лариса поняла, что кричит не кто иной, как ее администратор Дмитрий Степанович Городов.

Вообще-то в этом не было ничего удивительного, так как кричал он довольно часто и по самым различным поводам, но на этот раз что-то Дмитрий Степанович превзошел самого себя.

Лариса даже забеспокоилась о состоянии его психического здоровья и поспешила выяснить, что произошло.

Так как крики Дмитрия Степановича доносились со стороны кухни, Лариса напрямик направилась туда. Там столпились перепуганные поварахи и официантки с прижатыми к груди подносами, а Дмитрий Степанович с выпученными глазами бегал среди них и отчаянно матерился, размахивая какими-то предметами.

Подойдя поближе, Лариса увидела, что в правой руке Дмитрий Степанович держит небольшой ящичек темного цвета, а в левой – длинный, так называемый «французский» батон, и в первый момент с ужасом подумала, что дотошный администратор обнаружил в нем какую-нибудь пакость и теперь обрушивал свой гнев по этому поводу на весь персонал ресторана. Потом она сообразила, что подобные батоны в ее ресторане никогда не подают, и решила немедленно узнать причину недовольства Городова.

– Дмитрий Степанович! – окликнула она своего администратора, продолжавшего кричать.

Толпа, увидев Ларису, расступилась, пропуская ее вперед. Один Дмитрий Степанович продолжал не замечать свою начальницу и громко разоряться.

– Теща дурища! – орал Городов, не переставая размахивать батонком. – Полочки ей понадобились! Жила сто лет без этих полочек и еще проживет, обезьяна старая! Всех нас еще переживет! «Инструменты нужны!» – передразнил Степаныч тещу противным писклявым голосом. – Купила бы сама инструменты, раз так надо! И жена туда же! «Хлеба купи, батончик мягкий!» Целый день дома сидит, не может за хлебом сходить! Откуда я знаю, сколько он стоит?!

Тут Дмитрий Степанович увидел Ларису, но ее появление не охладило его пыл, а, наоборот, еще больше распалило эмоции администратора, поскольку появился новый объект для излияния его раздражения.

– Все на мне, все на мне! – причитал Городов. – Мало того, что весь дом на мне, так еще и ресторан! Директору вообще ничего не надо! Целый день кабинет запертый стоит, а ты тут думай сам, как хочешь!

– Пойдем-ка, Дмитрий Степанович, в запертый кабинет, и ты мне спокойно объяснишь, чем ты на этот раз недоволен, – решительно беря Степаныча под руку, сказала Лариса.

– Е, да как тут можно спокойно объяснить? – волчком закрутился Степаныч. – Никаких нервов не хватит!

Однако Ларисе все-таки удалось увести красного, как помидор, Городова в свой кабинет. Толпа, облегченно вздохнув, стала заниматься своими делами.

В кабинете Степаныч, плюхнувшись в кресло, то и дело вскакивал с него, бегая по кабинету и яростно жестикулируя, и поведал, наконец, что с ним приключилось.

Он поехал на овощную базу, чтобы самому выбрать овощи для ресторана, потому что «если не проверить, так эти мудаки привезут дерьмо гнилое, как в прошлый раз». Овощи он благополучно отобрал, как вдруг к нему подошел мужчина лет тридцати и шепотом предложил купить набор суперклассных инструментов по смешной цене.

Дмитрий Степанович не так давно нашел себе жену. Долгое время он ходил бобылем, так как его вспыльчивый характер мало кто мог выдержать. И вот наконец нашлась смелая женщина. Более того, она пригласила Степаныча жить к себе. Вместе с ее мамой. Разумеется, Городов уже через месяц умудрился перелаяться с новоиспеченной тещей. Однако, стремясь поддерживать имидж хозяйственного и основательного мужчины, озабочился проблемой отсутствия в доме необходимых инструментов. Этим и объяснялся его импульс по поводу предложения незнакомца.

А въедливая теща в последнее время доставала Степаныча на предмет того, что ей жизненно необходимы книжные полки, а следовательно, и инструменты, чтобы их сделать. Изму-

ченный за три месяца ее давлением, Дмитрий Степанович не устоял и купил ящичек. Что его особенно подкупило, так это неожиданное появление еще одного прохожего, у которого при виде ящичка загорелись глаза, и он тоже пожелал немедленно приобрести инструменты, возбужденно крича, что «это ж просто даром!».

Такого прижимистый Городов уже допустить не мог и, не колеблясь, выложил за ящичек четыреста рублей и удалился довольный, оставив неудачливого конкурента с носом и в весьма унылом настроении.

Каково же было его удивление, когда он, заглянув в универмаг, увидел точно такой же набор по цене двести пятьдесят рублей. Дмитрий Степанович аж чуть не взвыл с досады, поняв, что его самым наглым и примитивным способом облапошили. Но на этом неприятности его не кончились.

Собственно, в универмаг он зашел вовсе не для посещения хозяйственного отдела, а чтобы купить домой батон, как попросила по телефону его жена. Батон он купил, сдачу после расстройства, естественно, не пересчитал, а уже в ресторане обнаружил, что за батон с него взяли на три рубля больше, чем он стоил на самом деле.

Этого экономное сердце Дмитрия Степановича уже выдержать не могло, и он, собрав всех, кто находился в тот момент в кухне, подверг получасовому выслушиванию его возмущений.

– Ну как же ты мог так опрофаниться, Дмитрий Степанович? – хохоча от души, спросила Лариса. – Ведь ты у нас человек бывалый, сам закупками занимаешься, все цены знаешь и из-за каждой копейки со мной ругаешься! А тут так глупо попасть!

– Да потому что все на мне, все на мне! – завел знакомую песню Городов. – Разве я могу все упомнить? Все на меня повесили! Еще жена эта дура! Эх и дура, ну и дура! Угроздило же жениться на такой дуре! Вся в тещу! И вы тоже ездите непонятно где, а меня из-за вас обсчитали!

– А? – от такого заявления Лариса даже не нашла ничего другого, кроме как этого возгласа. – А я-то тут при чем?

– Так вас нет целый день, а я кручусь тут как белка! – Аргументы Дмитрия Степановича всегда были железными. – Нет, вы как хотите, Лариса Викторовна, а вы должны мне деньги! В качестве компенсации.

После такой наглости Лариса моментально перестала испытывать чувство жалости к незадачливому администратору и сухо сказала:

– Ну вот что! Из-за твоих же глупостей я не намерена каждый раз возмещать тебе потери! И скажи спасибо, что я тебя не накажу за то, что в рабочее время ты занимаешься личными делами. А сейчас распорядись-ка лучше, чтобы мне принесли две чашки кофе, и покрепче.

Степаныч хотел было перевести стрелки на саму Ларису и напомнить ей, что она сама использует рабочее время не в рабочих целях, но, увидев в глазах начальницы знакомый ему стальной блеск, решил не рисковать.

К тому же он вспомнил, как в прошлом году, когда он до такой степени надоел Ларисе своим нытьем по поводу прибавки к зарплате, что она не только не увеличила ему ставку, но даже лишила премии «за мелочность и неумение работать с людьми».

Тогда Степаныч дулся и ворчал целый месяц – как раз до очередной премии – и теперь совершенно не хотел повторения этой истории, поэтому чинно произнес:

– Сейчас распоряджусь, Лариса Викторовна, – и вышел из кабинета, даже не хлопнув дверью.

Когда официантка принесла кофе, Лариса откинулась с чашкой в руках на спинку кресла и прикрыла глаза. Она сидела так где-то с полчаса, потом, посмотрев на часы, стала собираться домой.

Дом встретил ее тишиной. Евгений отсутствовал, несмотря на его заявление о том, что теперь как минимум несколько дней он проведет дома, так как у него развился синдром боязни общества. «Значит, решил полечить свою фобию испытанным средством», – вздохнула Лариса.

Раздался телефонный звонок. «Наверняка это он, сейчас пьяненьким голосом будет слезливо вещать о том, как ему плохо!» – раздраженно подумала Лариса и сняла трубку. Однако услышала незнакомый мужской голос, который без всяких вступлений сразу же перешел к делу:

– Я хочу вас предупредить, что ваша деятельность незаконна. Это во-первых. А во-вторых, в деле завязаны интересы очень серьезных организаций, и советую вам подумать, стоит ли вам влезать в ситуацию.

– Кто говорит? – не растерялась Лариса.

– Мы вас предупредили, – не меняя интонации и не отвечая на вопрос, продолжил голос. – Мы не хотим, чтобы у вас появились проблемы. Не мешайте компетентным организациям заниматься тем, чем положено.

– А я и не мешаю, – изобразив невинность и доброжелательность, сказала Лариса.

– В случае, если вы не прислушаетесь, мы будем вынуждены принять меры, – все тем же прежним, «кагэбэшным» солидным голосом произнесли в трубке, и после этого сразу же отключили связь.

Лариса минуту посидела в тишине, прислушиваясь к жизни пустого дома, словно тот, кто угрожал ей по телефону, мог находиться рядом и издавать какие-то звуки, потом набрала номер Карташова.

– Олег Валерьянович, а мне уже угрожают, – сообщила она Карташову.

– Кто? – быстро спросил Олег.

– Они, естественно, не назвали. Но намекали на то, что сами все раскроют, без моих жалких усилий. Может быть, это фээсбэшники?

– Может быть, – после небольшой паузы ответил Карташов. – Кстати, по-моему, они-то как раз и занялись сейчас делом вплотную. И у них – своя версия.

– Интересно, какая?

– А у тебя какая? – ответил вопросом на вопрос Олег. – Чего-нибудь уже узнала?

– Практически ничего. Проверила связи двух жертв. На очереди – третья.

– Третья – это кто?

– Парамонов.

– Вот насчет него-то как раз ФСБ сейчас и работает. И нам настойчиво рекомендует. Я не знаю, – понизил голос Карташов, – но, по слухам, преступника уже вычислили.

– Кто же он?

– Говорю тебе, не знаю. Начальство курирует все это. Дело-то громкое. Завтра прибывают из американского посольства, надо рапортовать, что не сидим без дела.

– Ладно, мне все понятно, – вздохнула Лариса. – Но тем не менее свое расследование я не брошу.

– Это уже дело твое, – вздохнул в ответ майор.

В его голосе уже не чувствовалось ни озабоченности, ни увлеченности, а ведь это он всего лишь вчера просил ее помочь. Ларисе ничего не оставалось, как положить трубку и отправиться делать себе вечерний салат и заваривать крепкий китайский чай.

Глава 5

Котов явился домой, как и следовало ожидать, навеселе. Он важно, насколько позволяло ему это сделать опьянение, прошел на кухню, где сидела Лариса, и плюхнулся на диван.

– А преступника уже поймали! – ехидно заявил он.

– Как это? – вырвалось у Ларисы.

– А так это, – продолжал Котов. – Сегодня замели директора Сенного рынка, знакомого тебе, наверное, Николаичева Виктора Палыча.

– Ну, знакомого... И что?

– Это все его рук дело. Вернее, не его, а тех, кого он нанял.

– Кто это тебе сказал?

– Да так, встретился со знакомыми из этого гребаного Белого дома.

– Из областного правительства? – уточнила Лариса.

– Ну да, из этого крысятника. Там переполох в связи с Парамоновым. И говорят, что Николаичева уже типа того задержали.

Лариса вспомнила неясные намеки Карташова по телефону и нахмурилась. Само предположение о том, что милиция могла обойти ее в этом деле, ей не понравилось.

– И что? – только и спросила она.

– А ничего, – ответил Котов, небрежно развалившись на диване. – Им все равно кого сажать.

– Ты уже не первый, который мне об этом говорит, – раздраженно отреагировала Лариса.

– А потому что это правда, – невозмутимо парировал Евгений. – Ко всему прочему, и ко мне сегодня на работу навевался оперативник и... как бы это помягче сказать, угрожал.

– Чем? – обеспокоилась Лариса.

– Тем, что, мол, улики на вас показывают, Евгений Алексеевич, и не худо бы вам, пока не поздно, во всем признаться. Хотя куда уж позднее – непонятно. Сколько времени прошло, все равно как чистосердечное признание не прокатит.

– А ты?

– А я был хладнокровен, – важно заявил Котов. – Я сказал, что, если они такие умные, пускай предъявляют обвинения в установленном порядке, санкции показывают. Я видел, что этот оперативник все порывался меня обвинить в таком духе, что я, мол, такой умный, сейчас в каталажку заберем, по почкам надаем, будешь знать... Но я был непреклонен. Пускай лохов на улице на понт берут, коз-злы!

Во взгляде Котова неожиданно обнаружились ненависть и презрение.

– Ну ты уж так сильно не переживай, – мягко сказала Лариса.

– А я и не переживаю. Вот принял немножко для снятия стресса.

– Это я заметила. Только с оперативниками в таком виде не надо разговаривать, а то возьмут за оскорбление прохожих.

– Это я в курсе. Не надо меня учить. Ты-то что-нибудь сумела выяснить?

Лариса со вздохом посмотрела на мужа. Несмотря на то что он пытался казаться важным всезнайкой, она уловила в его, пускай пьяном взгляде явную настороженность. Котов все же боялся оказаться невинной жертвой, и Лариса почувствовала свою ответственность за перспективы своего расследования. А в нем, как ни крути, особых просветов было не видно. То, что милиция начала раскручивать этого не очень хорошо знакомого ей Николаичева, было хорошо. По крайней мере, от Евгения, может быть, отвяжутся. А с другой стороны, она привыкла сама вникать во все детали дела, коли уж за него взялась.

Следующим пунктом стоял у нее Парамонов. Чиновник, которого лишили жизни позже остальных, связи и врагов которого отследить было куда сложнее, чем в случае с Ростовцевым и даже с американкой.

– Женя, – позвала Лариса мужа.

Котов, уже начавший подхрапывать, обеспокоенно откликнулся:

– Что? Что такое?

– Пока что ничего страшного, – успокоила его жена. – Что тебе еще известно про Николаичева? Почему именно его подозревают?

– Ой, ну это такая мутная история, – поморщился Котов. – Ну вроде он собирался у себя на Сенном открывать оптовый рынок, наподобие того, что около Крытого рынка находится. А ему власти не давали, потому что директор Крытого Фокеев – депутат городской думы и вообще типа Парамонову сват. Что Парамонов давно зажимал Николаичева и он решил его убрать. Вот и все.

– И это тебе рассказали люди из администрации?

– Да, правда, не слишком большие шишки. Так это, – Котов презрительно повертел руками, – мелкие сошки, шестерки...

«Фокеев. Дмитрий Петрович, – сразу же вспомнила Лариса жирное, круглое лицо директора Крытого рынка, с которым поддерживала уже не первый год деловые отношения. – А не поговорить ли мне прямо с ним? Может быть, он будет полезен. Он никогда не упускал случая сказать Ларисе комплимент и вообще, несмотря на свою несексуальную внешность, старался выглядеть джентльменом».

Размышления Ларисы были недолгими. Она взяла трубку телефона, набрала номер и вскоре услышала жиденький тенорок Фокеева. Довольно быстро она убедила Дмитрия Петровича в необходимости встретиться. Главной зацепочкой в этом случае стало обещание вкусного экзотического обеда в «Чайке».

* * *

Для Дмитрия Петровича Фокеева был придуман обед в восточном, вернее даже сказать, североафриканском стиле. Много зелени, салаты, сладкое мясо с черносливом и корицей, курица с сырными крокетами, и на десерт – финиковый торт. Подо все это дело Лариса выставила вино.

Но Фокеев сразу же предупредил ее, что, во-первых, ни водку, ни другие крепкие спиртные напитки он не пьет, потому что ему запретил врач. А, во-вторых, вино терпеть не может. Поэтому на столе должно быть пиво, и побольше. Аргументы о том, что алжирская кухня абсолютно не подразумевает пива, на директора рынка не действовали.

– Я лечусь от алкогольной зависимости. Борьба идет с переменным успехом, – объяснил Фокеев, с плотоядным любопытством глядя на бутылки пива.

За всеми его движениями и взглядами угадывался старый тревоугольник, человек, несомненно любящий поесть и, как он только что признался сам, выпить. Обед Фокееву пришлось по вкусу.

– Очень оригинально. Не банально, я бы сказал, – причмокивая и ворочая толстыми щеками, говорил директор рынка. – Меня, Лариса, трудно удивить гастрономическими изысками. Но тебе, похоже, это удастся. Но ведь ты, признайся, не мой желудок соблазнять сюда меня пригласила.

– Не только, – почти призналась в грехе Лариса. – У меня муж попал в неприятную историю. В пансионате «Сокол».

– Я слышал об этом, как же, – живо отреагировал Фокеев. – Но я тебе вряд ли смогу помочь. А в чем состоит неприятная история?

– Понимаешь, Дмитрий Петрович, он был последним, кто видел живым Парамонова. Они заснули вместе в одном номере той самой ночью. А Парамонов, этот чиновник, как говорят некоторые, состоит с тобой...

– В родственной связи, правильно, – закончил за Ларису фразу директор первого в городе рынка. – И ты хочешь, чтобы я убедил, что твой муж не убивал моего... я даже не знаю, как его правильно назвать. В общем, наши жены – сестры.

– Это неважно. И главное даже не в том, что муж мой его не убивал, а в том, что я занимаюсь этим делом как частный детектив.

Поначалу Фокеев изобразил удивление, отчего его нижняя губа резко упала вниз, а толстое лицо стало выглядеть еще более комично. Потом он вдруг посерьезнел и кивнул в ответ с видом знающего человека:

– Да, я слышал, что ты чем-то таким иногда занимаешься. Слухи, знаешь ли, слухи... Но я человек далекий от криминала. Даже не знаю, чем тебе помочь. И уж будь уверена, к происшествию в «Соколе» я не имею никакого отношения.

– А я тебя и не рассматриваю в таком качестве. Просто слухи опять же, как ты говоришь, ходят. Что Николаичева, ближайшего конкурента твоего, в милиции сейчас раскачивают на предмет того, что он во всем виноват. Что твой родственник Парамонов прижимал его, действуя в твоих интересах.

– Я тоже об этом обо всем слышал. И могу тебе сказать, что менты здесь перегибают палку. Николаичев, конечно, тип неприятный и даже мерзкий, впрочем, что я еще хорошего могу сказать про конкурента, – кокетливо усмехнулся Фокеев. – Но он этого не делал. Это просто глупо. Зачем ему заказывать Парамонова? Он все равно оптовку у себя не откроет, с Парамоновым или без него. Потому что мэрия против, в мэрии у меня тоже свои люди – по секрету тебе скажу. Тогда уж нужно убирать еще нескольких чиновников, да и меня в придачу. И думский комитет по торговле весь разгонять и избирать новый. Даже и думать забудь про эту версию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.